

Доктор
экономических наук,
профессор

Никита
Кричевский

ЭКОНОМИКА ВОЛЖИ

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ
РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Никита Александрович Кричевский

Экономика во лжи. Прошое, настоящее и будущее российской экономики

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6994176

Никита Кричевский. Экономика во лжи. Прошое, настоящее и будущее российской экономики:

Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-71943-3

Аннотация

Устойчива ли экономическая модель, возведенная на лжи и лицемерии? О чем стыдливо молчат политики и экономисты? Почему иностранный опыт не приживается в российских условиях? В чем суть пенсионной системы у нас и «у них»? Можно ли быть уверенным в сохранности сбережений? Эта книга – о лжи в российской экономике. С конкретными примерами, уникальными историческими фактами, неординарными предложениями по избавлению от душной, унижительной поволоки. Лицемерие, двуличие видны в современной России всюду: в международных отношениях, во взаимодействии государства и общества, в межличностных контактах, во внутренних монологах. Экономика – и как система хозяйствования, и как наука – не стала исключением. О самых острых и злободневных проблемах российской экономики в своей книге размышляет доктор экономических наук, профессор Никита Александрович Кричевский. Автор откровенно, с доступной научной логикой обосновывает несостоятельность принятых в нашем обществе экономических стереотипов и постулатов.

Содержание

Введение	4
Глава 1. В ожидании хозяина	6
Скудное наследие	7
Не лыком шиты	10
Экономическая мощь российского консерватизма	13
Главная цивилизационная катастрофа XX века	17
Глава 2. Капитализм посвященных	20
Каста посвященных	24
Рейдерство как улика	26
«Лишнее» образование	28
Глава 3. Общак	30
Краткое содержание предыдущих серий	31
Систематизация игнорируемого	33
Общакoвая машинерия	35
Глава 4. Финансовый нарыв обналички	37
Теория финансового воровства	38
Модернизация по-российски	41
Независимая оценка скрытого резерва	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Никита Кричевский

Экономика во лжи. Прошрое, настоящее и будущее российской экономики

Введение

Маме

Эта книга – не о росте ВВП, привлечении иностранных инвестиций или борьбе с инфляцией. Эта книга – о причинах, точнее, о главной причине, что не дает нам решить в целом не такие уж сложные задачи. Эта книга – о лжи и порожденном ею недоверии в нашей экономике.

Полвека назад «золотой голос» капитализма Айн Рэнд написала: «Вина за нынешнее состояние нашего мира лежит, за редкими исключениями, на тех, кому сегодня за 40, – на тех, кто в своих речах говорил меньше, нежели знал, и менее определенно, нежели того заслуживал предмет их выступлений»¹. И пусть наши с Алисой Розенбаум (настоящее имя Рэнд) политические и макроэкономические предпочтения по многим вопросам расходятся кардинально, в одном она права точно: поколение сорокалетних и тех, кто немного старше, должно осознавать ответственность за прошлое и будущее экономики, страны, мира.

Избитый либеральный рецепт улучшения жизни в России «не врать и не воровать», несмотря на скрытую односложность (общественное воровство – суть продолжение вранья), тем не менее, несет в себе верное заключение о текущем состоянии нашего общества, пораженного эпидемией лжи. Лгут все: государство, общество, индивидуумы. И что самое опасное – ложь, лицемерие, двуличие становятся общепринятой нормой поведения, неписаным правилом достижения успеха.

В этой книге собраны лишь немногие примеры, наглядно иллюстрирующие справедливость вывода, вынесенного в название. Однако если человеку психологически свойственно не гнушаться коварства, преследуя личные интересы – это не противоречит его природе, – то институт государства для того и существует, чтобы демонстрировать образцы честности и верности приоритетным общественным идеалам. Распространение лжи в обществе начинается с государства, выздоравливать также нужно начинать с головы.

Отличие от права в экономике нет презумпции невиновности. В то же время зачастую невозможно в одночасье раскрыть ложность многих теоретических посылов, практических намерений и деяний, сопутствующих нашей жизни. Нужно время – и оно приходит.

На страницах этой книги я намерен развить три основных положения, три ключевые мысли.

Первое: на протяжении многих десятилетий в России насаждается чуждое нашему менталитету индивидуалистическое мировоззрение, на поверку оказывающееся ширмой для сокрытия истинного умысла псевдолибералов – любыми способами удержать власть.

Второе: долгие годы нам внушают мысль об исправных «социальных лифтах», временно выстраивая и цементируя модель капитализма посвященных. Представители государства денно и нощно рассуждают об открытости системы государственного управления и прозрачности долгосрочных экономических отношений, а на деле пестуют незаконные и нелегитимные финансовые институты, потворствуют коррупции, разрушают немногие

¹ Рэнд А. Капитализм: Незнакомый идеал. – М., 2011. – С. 9.

оставшиеся общественные договоренности, придававшие людям хоть какую-то уверенность в будущем.

Третье: не отстает и общество. «Мы платим налоги, где наши дороги?» – однако мы лицемерно умалчиваем о неизбывной любви к «черному налу», о предпочтении «серого» сектора легальному, о сладком обмане себя и окружающих потреблением взаймы. Вместе с государством мы привычно обвиняем во всех возможных бедах «мировой заговор», с упоеанием обсуждая конспирологические перипетии американской, европейской, китайской экономик, как будто наши внутренние проблемы решены успешно и навсегда.

Экономика – не беллетристика, потому прошу с должным вниманием отнестись к статистическому и фактологическому материалу, собранному в книге. Возможно, кому-то такая научно-популярная подача мысли покажется излишне громоздкой, рассеивающей внимание. Однако статистика как раздел экономической истории здесь используется в качестве дополнительного обоснования логических выводов, а обширная фактологическая база несет в себе элемент просвещения и, кроме того, служит весомым подспорьем для будущих исследователей. Настоятельно рекомендую сосредоточенно относиться к сноскам – в них представлены не только источники информации, но и многочисленные побочные сведения, по разным соображениям не вошедшие в основной текст.

В заключение несколько слов благодарности. Я признателен главному редактору «Московского комсомольца» Павлу Гусеву и главному редактору «Новой газеты» Дмитрию Муратову за предоставленные в разные периоды нашего сотрудничества «окна» для изложения на страницах этих уважаемых изданий отдельных положений настоящей книги. Я также искренне благодарю всех моих оппонентов, в дискуссиях с которыми вырабатывалась и оттачивалась моя позиция по многим социально-экономическим аспектам нашей жизни. И конечно, огромное спасибо тебе, мой дорогой читатель.

Никита Кричевский
Москва, март 2014 г.

Глава 1. В ожидании хозяина

В нашем обществе давно вошло в привычку пенять экономистам на неразумность предлагаемых планов по выводу страны из перманентного социально-экономического кризиса. Критическая аргументация такова: молодая экономическая поросль склонна игнорировать лучшее из советского опыта, экономисты старой закалки не учитывают современные рыночные реалии, а теоретики либерально-рыночного окраса и вовсе нелегитимны в силу ложной ответственности, которую они вынуждены нести за чужие ошибки, просчеты и преступления двадцатилетней давности. Однако все современные попытки «облагородить» российскую экономику будут тщетны, пока мы не осознаем ряд непреложных положений.

Россия – страна традиционалистская, что означает превалирование неформальных общественных ценностей. Их попрание, отрицание неизменно ввергает наш социум в хаос. В России законодательные нормы всегда были необходимым, часто обременительным, но лишь доведом к народным морально-нравственным ценностям. Противопоставление закона и справедливости, вынужденный отказ от их пусть призрачного, но единства – наследственная черта русского человека.

Россия – страна патерналистская, роль государства во всех сферах общественной жизни у нас всегда была преобладающей. Мы не Америка, у которой, говоря словами великого поэта Андрея Вознесенского, не было своего XVII века, а государственное устройство формировалось исходя из максимально возможной индивидуальной свободы. Сравнение с Европой также весьма условно, поскольку еще столетие назад Россией правил Помазанник Божий, тогда как во многих европейских государствах монархии были либо уже конституционно ограничены, либо упразднены вовсе. Патернализм, дирижизм², вера в сильное государство, управляемое на основе единоначалия, – отличительные признаки мировосприятия русского человека. Экономика для нас – не рынок, экономика для нас – люди. С их трудом, потребностями, настроениями.

Россия – страна религиозная, в первую очередь православная. Католические или протестантские представления о человеческой деятельности значительно расходятся с православными уложениями. Кажущееся уменьшение влияния веры на россиян обманчиво – снижение количества прихожан, регулярно посещающих храмы, отнюдь не тождественно постепенному отходу общества от религиозных устоев. Как будет показано ниже, в предыдущие периоды православие не только не препятствовало, но, наоборот, способствовало экономическому росту, увеличению численности населения и цивилизационному прогрессу России.

Мировоззренческий нигилизм, построенный на отрицании этих простых истин, стал фундаментом царящих в современной России лжи и недоверия, экономической стагнации и социальной деградации, массовой апатии и индивидуальной эмиграции, а в итоге – депрессии великой нации.

² Патернализм – государственная опека или покровительственное отношение государства к своим гражданам. Дирижизм, как и этатизм, означает политику активного вмешательства государства в экономическую жизнь общества.

Скудное наследие

Экономика – наука молодая, ей лет триста от роду (сравните с многовековыми традициями философии, психологии или обществознания)³. До середины XVIII в., то есть до начала промышленной революции, учение о рациональном хозяйствовании в основном было встроено в другие гуманитарные дисциплины, хотя ранее все же появлялись сугубо экономические трактаты. Да и о какой экономике идет речь, когда практически во всех странах того времени господствовала абсолютная монархия (Америка была редким исключением), основным фактором производства служила земля, реже – отдельные природные ресурсы, а источником богатства – торговля с ее меркантилистскими фетишами: деньгами, золотом и серебром?

Странноватый профессор логики из Глазго Адам Смит с его «Исследованием о природе и причинах богатства народов», впервые изданным в 1776 г., произвел настоящую мировоззренческую революцию, впервые заявив, что истинным благосостоянием нации являются не злато с серебром, а промышленное производство и труд. В свою очередь, непреложным фактором прироста суверенных активов является свобода индивидуума. К слову, вполне вероятно, что «Богатство народов» изначально планировалось Смитом как часть более масштабного труда об этической философии (в 1759 г. вышла его «Теория нравственных чувств», где он рассуждал, в том числе, о моральных мотивах стремления к богатству), но не сложилось.

Здесь мы сталкиваемся с самым магическим из всех известных передергиванием мысли великого ученого. Речь о «невидимой руке рынка», якобы делающей лишним государственное присутствие в экономике. Скажу сразу: в «Богатстве народов» дословно ничего подобного не говорится.

В исходном варианте тезис Смита выглядит так: «Предпочитая оказывать поддержку отечественному производству, а не иностранному, он (смитсианский «каждый отдельный человек». – *Н.К.*) имеет в виду лишь свой собственный интерес, и, осуществляя это производство таким образом, чтобы его продукт обладал максимальной стоимостью, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения. Преследуя свои собственные интересы, он часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это»⁴.

О сущности рынка – в следующих главах. А сейчас зададимся вопросом: где тут хотя бы намек на отрицание роли государства в экономике (да еще и во времена британской абсолютной монархии)? Да за одно подобное высказывание, не говоря уже о целой книге, 53-летнему университетскому профессору Смиту, больше всего в жизни дорожившему отношениями с матерью, светила каторга, а не всемирная слава!

Речь, как видно из цитаты, велась всего лишь о поддержке отечественного производства (промышленная революция на туманном Альбионе тогда шла полным ходом), что трансформировалась в достижение интересов всего общества. Однако высказывание Смита извратили настолько, что государство из создателя и охранителя общественных норм превратилось в изгоя, в ущербного «ночного сторожа» с усеченными функциями охраны границ,

³ Справедливости ради нужно сказать, что современные исследователи исторических предпосылок возникновения и развития экономической теории приводят ряд аргументов, доказывающих, что возраст экономики как науки значительно больше. К примеру, приверженец австрийской экономической школы Хесус Уэрта де Сото отмечает, что «вопреки распространенному представлению, теоретические принципы рыночной экономики, как и основные элементы либерализма, были разработаны не шотландскими кальвинистами и протестантами, а произошли из доктрин доминиканцев и иезуитов, принадлежащих к Саламанской школе времен испанского золотого века». Помимо испанской часто встречаются упоминания о французской и итальянской школах экономики и права. (*Уэрта де Сото Х.* Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательское творчество. – Челябинск, 2011. – С. 44).

⁴ *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. – М., 2009. – С. 444.

соблюдения законности и правопорядка, а также содержания специфических учреждений и сооружений (например, инфраструктуры или тюрем), необходимых обществу⁵. Четвертой неявной функцией государства, которую позднее великодушно разглядел Нобелевский лауреат Милтон Фридман, является «защита «недееспособных» членов сообщества»⁶.

Вот еще один красноречивый пример смысловой подмены. В главе «О прибыли на капитал» Смит пишет: «Наши купцы и владельцы мануфактур сильно жалуются на вредные результаты высокой заработной платы, повышающей цены и потому уменьшающей сбыт товаров внутри страны и за границей»⁷. Казалось бы, вот оно, теоретическое обоснование необходимости сдерживания роста оплаты труда!

Однако Смит продолжает свою мысль так: «Но они ничего не говорят о вредных последствиях высоких прибылей. Они хранят молчание относительно губительных результатов своих собственных барышей, жалуясь лишь на то, что выгодно для других людей». И тут же добавляет: «Когда хозяева сталкиваются в целях сокращения заработной платы своих рабочих, они обыкновенно заключают частное соглашение не давать им больше определенной суммы под угрозой известного штрафа. Но если рабочие заключат между собою противоположное соглашение – под угрозой штрафа не соглашаться на определенную заработную плату – закон карает их весьма сурово; а ведь если он относился беспристрастно, он должен был таким же образом поступать и по отношению к хозяевам»⁸.

Чего в этом отрывке больше: обоснования необходимости государственного регулирования роста оплаты труда, аргументации насущной потребности ограничивать прибыль собственников, разъяснения важности и актуальности профсоюзного движения или указаний на нормативные недоработки?

Как бы ни было, но все последующие годы маятник экономической науки перемещался от патернализма к индивидуализму и обратно, а кризисы тем временем случались с пугающей регулярностью. Пожалуй, все, чего за столетия смогли достичь теоретики, в нескольких фразах выразил классик современного немецкого ордолиберализма Вальтер Ойкен: «Мало или много должно быть государственной деятельности – вопрос не в этом. Речь идет не о количественной, а о качественной проблеме. Насколько нетерпимо стихийное формирование хозяйственного порядка в век промышленности, современной техники, больших городов и людских масс, настолько же очевидна неспособность государства к ведению хозяйственного процесса»⁹.

В этих словах все: и признание текущей неспособности просчитать количественные границы разнохарактерного государственного вмешательства, и продолжение дискуссии о направлениях регулирования (конкуренция не «вопреки», а «благодаря» государству), и ложная аргументация – «неспособность государства к ведению хозяйственного процесса», с блеском опровергаемая Китаем на протяжении последних 35 лет.

Более полутора веков экономисты всего мира спорят, но так и не могут прийти к единому мнению о причинах мировых кризисов, а без правильного диагноза нет верного лече-

⁵ В «Богатстве народов» это звучит так: «Согласно системе естественной свободы государю надлежит выполнять только три обязанности, правда, они весьма важного значения, но ясные и понятные для обычного разума: во-первых, обязанность ограждать общество от насилий и вторжения других независимых обществ; во-вторых, обязанность ограждать по мере возможности каждого члена общества от несправедливости и угнетения со стороны других его членов, или обязанность установить хорошее отправление правосудия, и, в-третьих, обязанность создавать и содержать определенные общественные сооружения и учреждения, создание и содержание которых не может быть в интересах отдельных лиц или небольших групп, потому что прибыль от них не сможет никогда оплатить издержки отдельному лицу или небольшой группе, хотя и сможет часто с излишком оплатить их большому обществу».

⁶ Фридман М., Фридман Р. Свобода выбирать: Наша позиция. – М., 2007. – С. 47.

⁷ Смит А. Указ. соч. – С. 147.

⁸ Смит А. Указ. соч. – С. 147.

⁹ Eucken W. Grundsätze der Wirtschaftspolitik. – 1990. – 6. Auf. – Tübingen. – S. 199.

ния. Стоит ли удивляться, что экономическая наука никак не может выработать эффективное антикризисное противоядие? Эффективное, но не универсальное – национальные экономики столь разноплановы, что рецепты, крайне полезные в одних странах, в других могут уничтожить не только болезнь, но и пациента.

Не лыком шиты

Россия в своих нынешних ментальных воззрениях сопоставима с европейскими умонастроениями трехсотлетней давности – не зря же в нашем народе устойчиво мнение, что «экономика – не наука». Лучины в головах, а не в домах. Наслушавшись удобоваримых толкований Смита и его последователей (к которым отчасти относится и Карл Маркс)¹⁰, мы, с одной стороны, требуем свободы предпринимательства, а с другой – настаиваем, чтобы ответственность за частные инвестиционные провалы несло государство. (Согласно исследованию фонда «Общественное мнение» и Института посткризисного мира, проведенному в марте 2013 г., 38 % россиян уверены, что потери от их фондовых вложений должно компенсировать государство, в обратном убеждены 45 % респондентов, остальные «не определились».)

Однако «сопоставима» – не значит «отстает». У нас, как уже говорилось, иное мировоззрение: в массе своей мы традиционалисты, приверженцы сильного государства. Единовластие, единоначалие, а не институты¹¹ – вот что для русского человека приоритет в системе общественных ценностей. Конечно, все мы разнолики, и среди нас много индивидуалистов, категорически не приемлющих исторически сложившийся в России тип взаимоотношений государства, общества и личности. Но одно дело не принимать, и совсем другое – жить и работать в собственной стране. Современная эпоха предоставляет людям массу способов для самореализации, однако для русского, россиянина, отеческое всегда было выше личного. Характер народный словами не переделаешь.

В истории российской мысли присутствуют свои экономисты-исследователи, так же как и Смит, творившие в рамках монархической системы политико-экономических координат. В 1724 г., за 50 лет до появления «Богатства народов», в России появился труд первого русского экономиста Ивана Посошкова «Книга о скудости и богатстве» (книгой в общепринятом понимании его назвать нельзя, так как издан он был много позже). В нем автор с присущим тем временам преклонением и почитанием Отца Отечества, Императора Всероссийского Петра Великого¹² систематизировал свои взгляды и предложения, «отчего происходит напрасная скудость и отчего умножиться может изобильное богатство».

В девяти главах книги Посошков субъективно, на основе собственного опыта, проанализировал наиболее актуальные стороны российской действительности: состояние правосудия, особенности жизни дворянства, купечества, крестьянства, развитие народных промыслов, борьбу с преступностью, положение с доходами царской казны. Всякий раз Посошков предлагал свои, часто неординарные способы устранения недостатков. Приведу несколько цитат.

О коррупции, тюремной и судебной системах: «Гостинцев у истцов и у ответчиков отнюдь принимать не надлежит, понеже мзда заслепляет и мудрому очи. Уже бо кто у кого примет подарки, то всячески ему будет способствовать, а на другого посягать, и то дело уже никогда право и здраво рассужено не будет, но всячески будет на одну сторону криво.

¹⁰ К сведению поклонников Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Трудно найти экономистов и философов, более других не принимавших Россию. Как писал Энгельс в письме Марксу, «ни одна революция в Европе и во всем мире не может достигнуть окончательной победы, пока существует теперешнее российское (царское и православное. – Н.К.) государство» (Карл Маркс и революционное движение в России. – М., 1933. – С. 15).

¹¹ Институт в экономической теории – не учебное, лечебное или научное заведение, а формальные (законодательно оформленные) и неформальные (общепринятые, не нуждающиеся в оформлении) правила жизни в обществе, а также государственные и общественные конструкции, обеспечивающие их соблюдение. К формальным институтам относятся государство, деньги, брак. К неформальным – религия, традиции, обычаи.

¹² Титул, присвоенный Петру I Сенатом в день празднования победы над Швецией в Северной войне 22 октября 1721 г.

В прошлом 1719 году сыщик Истленьев в Устрике (село в 180 км от Новгорода. – *Н.К.*) у таможенного целовальника (выборное должностное лицо, при вступлении в должность клятвенно целовавшее крест. – *Н.К.*) взял с работы двух человек плотников за то, что у них паспортов не было, и отослал их в Новгород. И в Новгороде судья Иван Мякинин кинул их в тюрьму, и один товарищ, год просидев, умер, а другой два года сидел да едва-едва под расписку освободился. И тако многое множество без рассмотрения судейского людей Божьих погибает.

В Алексинском уезде видел я такова дворянина, именем Иван Васильев сын Золотарев, дома соседям своим страшен, яко лев, а на службе хуже козы. В Крымский поход как не мог он избежать службы, то послал вместо себя убогого дворянина, прозванием Темирязев, и дал ему лошадь да человека своего, то он его именем и был на службе, а сам он дома был и по деревням шестерней разъезжал и соседей своих разорял. И сему я вельми удивляюсь, как они так делают, знатное дело, что и в полках воеводы и полковники скупы, с них берут, да мирволят им»¹³.

О торговле и купечестве: «И купечество у нас в России устраивается вельми неправо: друг друга обманывает и друг друга обидит, товары худые закрашивают добрыми и вместо добрых продают худые и цену берут неправильную, и между собою союза нималого не имеют, друг друга едят, и так все погибают, а в зарубежных торгах компанства между собою не имеют и у иноземцев товары покупают без согласия своего товарищества.

И царство воинством расширяется, а купечеством украшается, и того ради и от обидчиков вельми надлежит их охранять, дабы ни малой обиды им от служивых людей не чинилось. Есть многие немыслимы люди, купечество ни во что не ставят и гнушаются ими, и обижают их напрасно. Нет на свете такова чина, коему бы купецкий человек не потребен был»¹⁴.

О крестьянстве: «По моему мнению, царю паче помещиков надлежит крестьянство беречь, понеже помещики владеют ими временно, а царю они всегда вековые и крестьянское богатство – богатство царственное, а нищета крестьянская – оскудение царственное»¹⁵.

Почему же разумные, в чем-то прорывные идеи Посошкова не получили своего развития? Пожалуй, при объяснении можно сослаться на многовековую российскую реакцию, неприятие всего нового, маниакальные подозрения в посягательстве на власть и прочую конспирологию.

К сожалению, все гораздо проще, с одной стороны, и трагичнее – с другой.

Во-первых, в России тех времен книгопечатание, а тем более распространение книжной продукции, было весьма ограничено, если не сказать – отсутствовало вовсе. Кроме того, стоит упомянуть крайне малый круг потенциальных читателей труда Посошкова.

Во-вторых, книга, выполненная как «доношение Петру I», была закончена 24 февраля 1724 г., а царь, как известно, скончался менее чем через год, 28 января 1725 г., и прочесть «доношение» просто не успел (если вообще о нем знал). Да и вряд ли ближайшее окружение императора допустило бы, чтобы внимание монарха отвлекалось на размышления не имевшего дворянского статуса купца-простолюдина¹⁶.

В-третьих – и это, на мой взгляд, главная причина – уже после смерти Петра I, в августе 1725 г., Посошков был арестован, заточен в Петропавловскую крепость и через пять месяцев, в возрасте 74 лет, умер. Поводом для ареста стало отнюдь не недовольство дво-

¹³ Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве. – М., 2011. – С. 97, 122, 156.

¹⁴ Посошков И.Т. Указ. соч. – С. 34, 187–188.

¹⁵ Посошков И.Т. Указ. соч. – С. 299.

¹⁶ Посошков, весьма успешный в купеческих делах, известный мастер денежного и оружейного дела, содержавший винную, водочную, пивную и медовую продажи, а в последние годы жизни замышлявший открыть в Новгороде текстильную фабрику, породнился с высоким российским сословием лишь посредством выгодного замужества дочери Пелагеи.

рянства, духовенства или ближнего круга царской семьи содержащейся в книге крамолы (которой, впрочем, и не было), а расследование громкого коррупционного, как сейчас бы сказали, дела вице-президента Синода, новгородского архиепископа Феодосия Яновского (земляка Посошкова). Феодосий, активный сторонник воспринятых духовными иерархами в штыки петровских церковных преобразований, отличался тщеславием и корыстолюбием. После смерти императора он подвергся опале, было возбуждено расследование по факту расхищения церковной утвари, захватившее, как круги на воде, множество случайных лиц.

Участвовал ли Посошков в тех преступлениях и были ли они в действительности, доподлинно неизвестно, но не исключено, что формальным поводом для ареста Посошкова послужила рукопись его книги, обнаруженная в библиотеке Феодосия. Если бы не Михаил Ломоносов, в середине XVIII в. случайно ознакомившийся с фолиантом и поручивший сделать с него список (копию) для создаваемой Академии наук, вряд ли бы мы когда-нибудь узнали, что российская экономическая школа начинает свой отсчет с 1724 г.

Книгу Посошкова отличает безоговорочная верность и преданность государству и императору, наличие огромного массива практических рекомендаций по улучшению сложившегося порядка и стойкое ощущение по прочтении, что за прошедшие триста лет в отношениях государства и индивидуума в России практически ничего не изменилось. Разве что тогда был самодержец, а ныне – президент.

Еще одна параллель: за прошедшие столетия русская экономическая мысль так и не смогла выработать ни одной фундаментальной концепции построения и развития национальной экономики. И теоретики, и практики, как правило, сосредотачивались на текущих недостатках в отдельных сферах, концептуально ничего не меняя. В то же время нынешнее непростое время требует как раз переосмысления созданной впопыхах, а потому крайне неустойчивой современной хозяйственной доктрины с учетом исторически свойственных России ментальных особенностей, отличающих нас и от Востока, и от Запада.

Почему же не государственнические воззрения Посошкова, а индивидуалистические идеи Смита получили столь широкое распространение в России? Начнем с того, что XVIII в. с его унаследованным от Петра I преклонением перед иностранным укладом породил далекий от православных канонов слой русского дворянства: «При Екатерине II зарождается целое поколение русской знати, воспитанное в своем большинстве в духе восхищения Западом и античностью, равнодушия к России и Православию»¹⁷. «Новая русская элита» и послужила в начале XIX в., когда роскошно изданный перевод «Богатства народов» стал мейнстримом в столичных салонах, основным проводником идей Смита в России.

Но это одна сторона медали. Вторая – безнадежное, присущее всем поколениям российских управителей игнорирование изменений в мировоззрении народа, отсутствие всякого стремления к общественному диалогу, непонимание (или отрицание) важности анализа, выявления и инкорпорирования в российскую экономическую конструкцию всего ценного и полезного, что несет в себе мировой хозяйственный опыт.

Думаю, никто, находясь в здравом уме и твердой памяти, не станет требовать возврата страны к всепогодному ношению шапок-ушанок, валенок или армяков и к поминутному хоровому пению русских народных песен под балалайку и медовуху. Я также крайне далек и от реставрационно-монархических взглядов. Тем не менее, игнорировать сложившийся менталитет – значит, обрекать существующие и вновь создаваемые социально-экономические конструкции на заведомую неудачу.

¹⁷ Решетников Л.П. Вернуться в Россию. Третий путь, или Тупики безнадежности. – М., 2013. – С. 49.

Экономическая мощь российского консерватизма

Пожалуй, лучшим подтверждением эффективности дореволюционной российской общественно-государственной модели служат исторические данные о социально-экономическом положении в стране в годы, предшествовавшие Первой мировой войне и русской цивилизационной катастрофе 1917 г.

На рубеже XIX–XX вв., при всех изъянах авторитарного государственного устройства, в условиях «управляемого капитализма», которому в дальнейшем следовали все «азиатские тигры», и недостаточно развитых правовых и социальных институтов (как потом выяснилось, в своем становлении и развитии не опережающих социально-экономическое развитие, а сопутствующих ему), в России происходил экономический бум поистине грандиозных масштабов. В стране стремительно разворачивалась индустриальная эпоха.

В 1892–1900 гг., по данным дореволюционного Минфина, производство хлопчатобумажных изделий выросло в 1,5 раза, нефти, железа и стали – в 2 раза, каменного угля и чугуна – в 2,5 раза¹⁸. Протяженность железных дорог, во многом благодаря усилиям многолетнего министра финансов и председателя Совета министров Сергея Витте, увеличилась почти на 27 тыс. км (для сравнения: длина современных железнодорожных путей общего пользования – немногим более 86 тыс. км).

Промышленный подъем продолжился и в первые годы XX в. Если в 1909 г. выплавка стали выросла на 6,4 %, то в 1910 г. – на 13,1 %, а в 1913 г. прирост по сравнению с 1908 г. составил 1,6 раза. Одновременно увеличивалось производство проката, металлообработки, машин и оборудования, а железнодорожные пути за 1908–1913 гг. стали длиннее на 4,3 тыс. км¹⁹.

К 1913 г. Россия по объемам промышленного производства достигла 80 % показателей Германии, почти сравнялась с Англией, значительно опережала Францию, в два раза превосходила Австро-Венгрию, а по темпам экономического роста обгоняла все европейские страны и шла вровень с США. Наша страна занимала первое место в мире по экспорту зерна и льна, в 1911–1914 гг. на долю не нефти, но продуктов ее переработки приходилось 88,6 % нефтяного экспорта, вывоз же сырья и прибыли иностранцами был ограничен 12,8 % от вала²⁰.

В 1913 г. французский экономист Эдмон Терри констатировал: «Если у большинства европейских народов дела пойдут таким же образом между 1912 и 1950 гг., как они шли между 1900 и 1912 гг., то к середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении»²¹.

В предреволюционные десятилетия доходы казны держались на трех китах – поступлениях от казенной монопольной винной операции (доля доходов в бюджете-1913 – 27,9 %), казенных железных дорог (23,8 %) и таможни (10,3 %). Причем то были так называемые оборотные доходы. Прямые налоги в России составляли лишь 13,7 % всех бюджетных поступлений, тогда как во Франции – 19,5 %, в Германии – 28,3 %, в Великобритании и Ирландии – 31,5 %²². Предпринимательство, хоть по привычке и жаловалось на «казенную удавку», налогами обременялось несильно.

¹⁸ Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1902 года. – СПб., 1903. – С. 70.

¹⁹ Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX века): Новые подсчеты и оценки. – М., 2003. – С. 240–242.

²⁰ Решетников Л.П. Указ. соч. – С. 166.

²¹ Россия. 1913 год. – С. 12.

²² Вайнштейн Альб. Л. Народное богатство и народный доход России и СССР / Избранные труды: В 2 кн. – Кн. 2. – М., 2000. – С. 168.

Дефицит бюджета, согласно Государственным росписям (бюджетам) доходов и расходов, разросшийся в годы провальной Русско-японской войны и революции 1905–1907 гг. (в 1906 г. дефицит составлял 29,3 % расходов), к 1912 г. сократился до 1,1 %, а в 1913 г. сменился профицитом в 2,7 %. Справедливости ради нужно сказать, что внешние долги России были немаленькими, но даже в худшие годы не превышали половины ВВП страны. Здесь же корни оттока капитала – деньги уходили в первую очередь на погашение иностранных займов, прежде всего французских, союзнических, а потому шедших.

Рубль до революции считался одной из самых устойчивых валют в мире. Если к концу 1895 г. запас золота обеспечивал 92 % стоимости обращающихся в стране бумажных денег, то к 1907 г. золотое обеспечение рубля составляло фактически один к одному, тогда как в Великобритании – 63 %, во Франции – 58 %, в Германии – 39 % от номинала национальных валют. К началу 1913 г. золотой запас России превышал золотой запас Французского банка в 1,3 раза, Германского рейхсбанка – в 3,8 раза, Английского банка – в 5,0 раза²³.

Росли сбережения населения. Согласно Государственным росписям тех лет, если в 1881 г. общий объем вкладов в сберкассах достигал всего 9 млн, то к 1895 г. – 347 млн, к 1902 г. – 832 млн, а к началу 1914 г. превысил 2 млрд руб. И это, напомню, при стабильном курсе рубля.

Помимо Сберегательного, в банковском секторе доминировали еще два государственных банка – Дворянский земельный и Крестьянский поземельный банки. Основным профилем деятельности первого банка было обслуживание ипотечных операций землевладельцев-дворян, второго – проведение аграрной реформы Петра Столыпина.

Наши предшественники в стремлении избежать биржевых и банковских паник активно регулировали финансовую сферу. Так, в 1912 г. правительство, опасаясь подступавшего биржевого спада, организовало «интервенционный синдикат», активно скупавший «проваливавшиеся» акции нефтяных и металлургических компаний, а в 1913 г. внесло в Думу проект учреждения нового отделения при Особенной Канцелярии по кредитной части Минфина для «надзора за отчетностью кредитных установлений» и увеличения числа государственных ревизоров.

Благостная картина бурного экономического роста не должна вводить в заблуждение – развитие социальной сферы существенно отставало от экономики, хоть год от года, что называется, подтягивалось. В начале XX в. расходы местных бюджетов в пересчете на одного жителя составляли 2,2 руб., тогда как в Великобритании в переводе на дореволюционные российские деньги – 33,6 руб. В 1904 г. треть российских городов не имела мощеных дорог, 82 % – водопровода, 97 % – канализации²⁴. Неудивительно, что развитие местного самоуправления, расширение его экономической основы стало одним из главных направлений российской внутренней политики тех времен.

Коротко о сокращении социального расслоения. В 1903 г. на цели начального образования из всех источников на душу населения было израсходовано всего 44 копейки, тогда как в Великобритании – 3 руб. 80 коп. Казалось бы, пропасть. Однако уже к 1911 г. государственные и местные расходы на образование и науку, исходя из данных Государственных росписей, возросли в три раза, в 1911 г. в начальной школе обучалось 43 % детей в возрасте от восьми до 12 лет, а к 1920 г. планировалось ввести всеобщее начальное обучение.

Говорят, что в России всегда много пили. Это ложь. На стыке веков наша страна по уровню потребления спиртных напитков на душу населения далеко отставала от Англии, Бельгии, Германии, США, Франции. Это потом ситуация ухудшилась, причем кардинально: если в 1901–1902 гг. потребление водки и вина составляло 6,0 л на человека (0,49 казенного

²³ Коломиец А.Г. Финансовые реформы русских царей. – М., 2012. – С. 443–444.

²⁴ Грегори П. Указ. соч. – С. 153–155.

ведра)²⁵, в 1905–1907 гг. – 7,7 л (0,63 казенного ведра), а в 1913 г. – 8,1 л (0,66 казенного ведра)²⁶, то в 2013 г., как недавно сообщил главный нарколог страны Евгений Брюн, среднее потребление алкоголя достигло 13,5 л на душу населения.

Но главное достижение тех времен – не экономический рост, увеличение благосостояния населения или повышение грамотности. Главное – это выдающееся, беспрецедентное повышение рождаемости, ставшее зримым выражением общественного одобрения проводимых под сенью консерватизма преобразований. С 1897 по 1914 г., согласно данным современного Росстата, население Российской империи возросло на 37,5 млн человек, со 128,2 до 165,7 млн, или на 29,3 %. Именно демографическому взрыву, а не «гению» Сталина или его человеконенавистническому окружению мы обязаны победой в Великой Отечественной войне.

Несколько слов об экономической географии. Если географическими приоритетами России во внутренней политике были Сибирь и Дальний Восток, то во внешней политике – контроль над двумя проливами, Босфором и Дарданеллами. Как писал на рубеже веков военный министр Алексей Куропаткин, Николай II был склонен разделять идеи «взять для России Маньчжурию, идти к присоединению к России Кореи, взять и Тибет, Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы»²⁷.

И пусть в дальнейшем государь стал более рассудительным, мысль о проливах все равно не покидала российский истеблишмент. Например, в 1913 г. Морской генеральный штаб России всерьез полагал, что цель России «в ближайшие годы – в 1918–1919 гг. – овладеть Босфором и Дарданеллами»²⁸. Нужно ли говорить, что подобные планы откровенно не нравились традиционным внешнеполитическим противникам России: Великобритании, Германии, США, Японии.

Под стать задачам росли и военные расходы. За 1908–1912 гг. траты Военного министерства увеличились на 14,1 %, в 1913 г. – еще на 10,1 %, Морского министерства, соответственно, в 1,9 раза и на 39,1 %. Если в 1912 г. расходы Военного и Морского министерств суммарно составили 22,2 % всех расходов бюджета, то в 1913 г. – 24,4 % всех расходов, что, тем не менее, способствовало экономическому подъему²⁹.

В то же время коррупция и воровство – неперенные спутники российской государственности – и здесь проявляли себя во всей красе. Так, содержание флота обходилось казне в среднем в три раза дороже, если считать по количеству и размерам судов, чем Великобритании, Франции или Японии, а постройка новых кораблей стоила в 1,5–2 раза больше в сравнении с названными государствами. Еще один пример: в начале прошлого века правительство для военных нужд ежегодно закупало 100 тыс. пудов железа по средней цене 1 руб. 70 коп., тогда как в Европе цена на железо колебалась от 90 коп. до 1 руб.³⁰

Не в укор коллегам-институционалистам³¹, но столь впечатляющих результатов дореволюционная российская экономика достигла при весьма слабом развитии политических,

²⁵ Одно казенное ведро равнялось 12,3 л.

²⁶ Дмитриев В.К. Критические исследования о потреблении алкоголя в России. – М., 2001. – С. 322, 331.

²⁷ Куропаткин А.Н. Дневник генерала Куропаткина. – М., 2010. – С. 115–116.

²⁸ Шаццло К.Ф. От Портсмутского мира к первой мировой войне. Генералы и политика. – М., 2000. – С. 76, 308.

²⁹ Кривошеин К.А. Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора. – М., 1993. – С. 180.

³⁰ Бюджетная работа Государственной Думы. – СПб., 1912. – С. 44.

³¹ Что исследуют институционалисты? Как отмечал Оливер Уильямсон, «фирмы, рынки и «отношенческая» контрактация (*relational contracting*) являются важными экономическими институтами», а институциональная среда в его понимании – это «правила игры, определяющие контекст, в котором осуществляется экономическая деятельность». В свою очередь, новая институциональная экономическая теория (НИЭТ) изучает трансакционные издержки, которые классик НИЭТ Кеннет Эрроу определил как «затраты на управление экономической системой», а Уильямсон условно сравнил с «экономическим эквивалентом трения в механических системах». (Уильямсон О. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. – СПб., 1996. – С. 48, 53, 688). Любопытно, что в подготовке русского издания

социальных, правовых институтов, хотя современные институционалисты не устают доказывать, что именно институты, точнее, их качественное улучшение способно вытащить современную экономику нашей страны из той трясины, в которой она оказалась.

Как российская дореволюционная экономическая история, так и современная зарубежная (Бразилия, Индия, Китай, а ранее – Тайвань, Южная Корея, Япония и другие) практика свидетельствуют, что институты не опережают, а скорее, сопутствуют экономическому рывку. Не зря же во всех поименованных странах долгое время существовали заградительные таможенные барьеры, защищающие внутренний рынок, игнорировались требования развитых стран об ужесточении законодательства в области защиты прав интеллектуальной собственности и укрепления национальных валют, систематически и разносторонне оказывалась помощь ведущим компаниям, часто созданным или выбранным исходя из субъективных критериев.

этой ставшей ныне классической работы Уильямсона принимал участие кандидат экономических наук Андрей Клепач, тот самый, что долгие годы работал заместителем министра экономического развития России. Как видно, теоретическая институциональная подготовка оказалась едва востребованным подспорьем в его бюрократической практике.

Главная цивилизационная катастрофа XX века

Можно долго рассуждать о событиях трагического в российской истории 1917 г., вспоминать об участии в февральском заговоре и октябрьском перевороте иностранных разведок, вновь и вновь приводить высказывание Уинстона Черчилля об уничтоженной Российской империи: «Ее корабль пошел ко дну, когда гавань была близка»³². Бесспорно одно – цивилизационный слом был осуществлен прежде всего руками наших соотечественников, тех самых «маленьких людей с непомерными амбициями». Как с горечью писал Андрей Коломиец, «все эти будущие политические самоубийцы полагали, что путь России широк и ясен и главное препятствие на нем – император и императрица. В данной точке сошлись разнонаправленные мнения; здесь на краткий миг множество мелких и крупных льдин спаялось в монолитный «айсберг». В верхней части «айсберга» соединились заговоры противников России, ее «союзников», подрядчиков, которым только безвластие давало шанс избежать заслуженной виселицы, «государственных младенцев» правой и левой ориентаций, догматиков и профессиональных авантюристов... Тысячи малограмотных активистов и неграмотных статистов верили, что все происходящее имеет высший смысл, например, создание «свободной России», «освобождение пролетариата»³³.

Насчет «будущих политических самоубийц» следует уточнить, что никто из принимавших участие в февральском заговоре против царя, через несколько месяцев приведшем к Октябрьскому перевороту и последующему геноциду русского народа, не задержался на вершине политического Олимпа. Больше того, некоторые достаточно быстро и преимущественно насильственным путем ушли не только из общественно-политической, но и из физической реальности. К примеру, один из самых активных участников февральского заговора, главнокомандующий армиями Северного фронта генерал-адъютант Николай Рузский, тот самый, что, по воспоминаниям очевидцев, грубым насилием принудил императора подписать в Пскове заранее приготовленное отречение от престола, повторяя: «Подпишите, подпишите же. Разве Вы не видите, что Вам ничего другого не остается. Если Вы не подпишете – я не отвечаю за Вашу жизнь»³⁴, – уже 25 марта 1917 г. потерял пост главкома, через полтора года, 11 сентября 1918 г. в Ессентуках был арестован большевиками, а 1 ноября 1918 г. выведен на Пятигорское кладбище и заколот кинжалом (по другой версии – зарублен шашками).

Впрочем, тот же Коломиец верно замечает, что «желавшие избавиться от императора Николая лидеры генералитета, бюрократии, «общественности», как свидетельствуют дальнейшие события, так и не смогли понять, что к концу войны политика «союзников», которая все больше формировалась под влиянием Англии и США, исходила из представления, что победоносная Россия не менее опасна, нежели победоносная Германия. И чем большие словесные уступки под влиянием необходимости были сделаны в пользу России в отношении послевоенного устройства мира (в первую очередь в вопросе «о праве России на проливы и Константинополь»), тем большим было желание воспользоваться удобным моментом, чтобы от России избавиться»³⁵.

Мог ли Николай II изменить свою судьбу, судьбу своей семьи и России? Предполагал ли, к каким катастрофическим последствиям приведет его отречение? Верен ли он был завету своего прадеда Николая I: «Помни всегда, что Государь, получив от Бога скипетр и

³² Churchill W. The World Crisis. 1916–1918. – Vol. 1. – New York, 1927. – P. 223.

³³ Коломиец А.Г. Указ. соч. – С. 518–519.

³⁴ Хрусталева В.М. Великий князь Михаил Александрович. – М., 2008. – С. 370–371.

³⁵ Коломиец А.Г. Указ. соч. – С. 496.

меч, не должен никогда убегать от возмущения; если суждено ему умереть, он должен умереть на ступенях трона»? Вопросы без ответов, вот уже столетие витающие в обществе.

Менялись формации, на смену самодержавию пришла сначала «власть народа», а затем «социальное государство», но представления россиян о взаимоотношениях власти и индивидуума остались прежними: мудрому руководителю следует денно и ночно заботиться о каждом. Не зря же большинство наших сограждан, не стеснясь, одобряет деятельность белорусского Батки, азербайджанского Наследника или казахстанского Папы.

В этом нет ничего удивительного – еще в середине 90-х западный политолог Сэмюэл Хантингтон утверждал: «Конфликт между либеральной демократией и марксизмом-ленинизмом был конфликтом идеологий, которые, невзирая на все различия, хотя бы внешне ставили одни и те же основные цели: свободу, равенство и процветание. Но Россия традиционалистская, авторитарная, националистическая будет стремиться к совершенно иным целям. Западный демократ вполне мог вести интеллектуальный спор с советским марксистом. Но это будет немыслимо с русским традиционалистом. И если русские, перестав быть марксистами, не примут либеральную демократию и начнут вести себя как россияне, а не как западные люди, отношения между Россией и Западом опять могут стать отдаленными и враждебными»³⁶.

После того как Горбачев потерял управление страной в конце 80-х, после младореформаторских преступлений 90-х, когда Ельциным и Ко. двигала не экономическая целесообразность, а, по их же собственным признаниям, смертельная боязнь потерять власть, значительная часть нашего общества надеется на приход «сильной руки», эдакого просвещенного монарха, Хозяина, способного вернуть людям пусть призрачный, но порядок и, конечно, уверенность в себе. Не институты являют собой оплот государственности в России, не независимый суд или правоохранительная система, а единоначалие, хотим мы того или нет. Бессмысленно повторять либеральный путь, по которому развитый мир пришел к очередному кризису.

В последние годы целенаправленные, а чаще – неосознанные, но всегда скрепленные ложью действия многих представителей высших кругов России, по большей части состоящих из лизоблюдов и проходимцев, привели к тому, что государство в России стало не арбитром, организатором или координатором, а главным субъектом в экономике. На поле появился игрок, совмещающий функции центрфорварда, судьи, защитника, вратаря и зрителя одновременно. Причем субъект этот функционирует не по образу и подобию классического акционерного общества, как нынче ошибочно представляют многие, а по законам советской командно-административной системы и криминальным понятиям 90-х. Используя партийные и бандитские методы, следуя в более экстенсивной модели развития, подстраивая под интересы своих формальных и неформальных бенефициаров хозяйственную политику всех экономических субъектов страны.

Максимум, что нынешний псевдогосударственный колосс в состоянии предпринять, – это скоординировать своекорыстные интересы нынешних случайных персонажей с ограниченными материальными возможностями общества. Нужно ли уточнять, что вся эта глиняная конструкция обречена на обрушение при первом же долговременном кризисном ветре?

Послесловие

Российская экономика не нуждается в реставрации монархии. Российская экономика нуждается в восстановлении консервативных начал: в жестком регулировании, контроле и надзоре, в государственной собственности на недра и инфраструктуру, в цивилизованном рынке, в промышленном и потребительском секторе с неременным соблюдением прав и

³⁶ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка // Полис. – 1994. – № 1. – С. 33–48.

свобод индивидов, в плановом развитии общественной сферы. А еще в освобождении от коррумпированного балласта, как и в прошлом, сдавливающего экономическое дыхание страны. В этом суть нового экономического консерватизма, одного из немногих препятствий, перефразируя Николая Бердяева, на пути зверино-хаотической стихии в нашем национальном хозяйстве, успешность которого можно будет измерить ключевым общественным показателем – ростом численности населения.

Российской экономике крайне необходима выверенная систематизированная концепция национальной экономической политики, теория и методология которой не нуждалась бы в директивном правительственном одобрении. Разработка экономической доктрины должна целиком и полностью находиться в зоне ответственности российских экономистов-исследователей и базироваться как на историческом опыте и особенностях национального менталитета, так и на лучших современных экономических практиках Востока и Запада. Начало этой работе положено в заключительной главе книги, но прежде мы рассмотрим фундаментальные причины и проявления недоверия и лжи в отношениях между властью и обществом.

Глава 2. Капитализм посвященных

Перечитывая экономическую классику («те, кто читает книги, всегда будут управлять теми, кто смотрит телевизор или сидит в социальных сетях»), вновь и вновь отмечаешь прозорливость выдающихся мыслителей. Исследователи уделяли немало времени вопросу о власти (Маркс в «Капитале» и вовсе сделал его базисом своей теории), и из их выводов можно составить прогноз на ближайшее по историческим меркам будущее.

Классики под факторами производства понимали землю (природные ресурсы), капитал (средства производства и финансы), а также труд (рабочую силу). В середине прошлого века к этим элементам добавились компетенции (знания, умения, навыки или ЗУН), воплощающиеся в новых продуктовых, социальных и управленческих решениях³⁷.

Основоположники экономической науки полагали, что обособленные факторы производства сводятся воедино предпринимательским рвением, в результате чего появляются и распределяются рента, заработная плата, проценты за пользование капиталом и, конечно, прибыль. Однако в XX в., да простят меня сторонники австрийской школы экономической мысли, некогда центральная фигура предпринимателя была смещена с пьедестала институтом корпорации, ключевую роль в котором стали играть обладатели компетенций. Действительно, как-то несолидно сравнивать автомастерскую Генри Форда и современный транснациональный автомобильный концерн.

Обладатели компетенций, или, как их называл Джон Кеннет Гэлбрейт, техноструктура – это отнюдь не менеджмент, воцарение которого в системе принятия экономических решений в 1932 г. констатировали Адольф Берли и Гардинер Минз в фундаментальной монографии «Современная корпорация и частная собственность». Тогда, по итогам исследования корпоративного управления в 200 крупнейших американских корпорациях, Берли и Минз, как говорится, на пальцах показали, что экономическая власть в компаниях перешла от собственников к менеджменту. Техноструктура – это не столько управленческий, сколько интеллектуальный каркас современной корпорации, движимый отнюдь не только меркантильными мотивами.

К слову, об управленческой революции и развенчании мифа о наследниках Ротшильда, Рокфеллера или Моргана, властвующих миром. В табл. 2.1 представлена современная структура собственности европейских и американских компаний. Обратите внимание: если в континентальной Европе иногда еще встречаются акционеры, владеющие контрольным пакетом, то в Великобритании, а тем более в США, доля крупнейшего акционера не превышает 15 %.

Таблица 2.1. Средняя доля голосующих акций, принадлежащих первым трем крупнейшим собственникам в середине 90-х гг. (в %)

³⁷ Идея расширения перечня факторов производства в середине XX в., что называется, витала в воздухе. Одним из первых, кто сформулировал и систематизировал феномен организованных знаний как социального отклика на научно-техническую революцию, был Джон Кеннет Гэлбрейт в «Новом индустриальном обществе».

Страны	Число обследованных компаний	Первый крупнейший пакет акций	Второй крупнейший пакет акций	Третий крупнейший пакет акций
Австрия	50	54,1	7,8	2,6
Бельгия	140	55,9	10,3	4,5
Германия	372	49,6	2,9	0,6
Испания	193	40,1	10,5	6,5
Италия	214	52,3	7,7	3,5
Нидерланды	137	42,8	11,4	4,0
Франция	40	29,4	6,4	3,0
Швеция	304	37,6	11,2	5,6
Великобритания	207	14,4	7,3	6,0
США: NYSE	1309	8,5	3,7	1,8
NASDAQ	2831	13,0	5,7	3,0

Источник: The Control of Corporate Europe / Ed. by Barca F., and M. Becht. – Oxford University Press, European Corporate Governance Network, 2001.

Вернемся к власти. Экономические гуру придерживались мнения, что истинная политическая власть находится в руках тех, кто владеет наименее доступными и труднозаменяемыми (в оценочном эквиваленте – наименее эластичными) на данный исторический момент факторами производства. В смитсианские времена и до того политическая власть принадлежала землевладельцам. В эпоху Маркса государство контролировалось капиталистами как собственниками средств производства и ликвидности. Наконец, в недавнем прошлом многие из нас были участниками неудачного социалистического эксперимента, когда власть в отдельных государственных образованиях перешла к собственникам рабочей силы («людям труда»).

Печальный финал того опыта побуждает к рассмотрению альтернативных социально-управленческих сдвигов, сопровождавших динамическое развитие западной, а в последнее время и восточной политической культуры. К рассмотрению, важнейшей характеристикой которого должна стать нейтральность «по отношению к любым ценностным суждениям»³⁸. Суть произошедших в западной экономике перемен, пожалуй, наиболее точно еще в 60-х выразил Гэлбрейт: «Власть перешла к новому фактору производства... это сово-

³⁸ Автор опирается на мысль Людвиг фон Мизеса: «Экономическая наука аполитична или неаполитична, хотя является основой политики и любого политического действия. она абсолютно нейтральна по отношению к любым ценностным суждениям и субъективным оценкам, так как она всегда относится к средствам и никогда – к выбору конечных целей». (Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. – Челябинск, 2012. – С. 829).

купность людей, обладающих разнообразными техническими знаниями, опытом и способностями, в которых нуждается современная промышленная технология и планирование»³⁹.

Управленческие трансформации в полном соответствии с предсказанием Гэлбрейта происходят и в политике: «Опыт прошлого дает основания предполагать, что источник власти в промышленном предприятии переместится еще раз – на этот раз от капитала к организованным знаниям. И можно предполагать, что это найдет отражение в перераспределении власти в обществе»⁴⁰.

Сложно назвать президента США Барака Обаму, премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона или канцлера ФРГ Ангелу Меркель ставленниками собственников промышленного или финансового капитала. Скорее, они выражают интересы тех самых технократов, обладателей компетенций, «предшественники» которых без особого напряжения в свое время брали власть в экономике.

Один из наиболее ярких подтверждающих эпизодов – закрытый ужин президента Обамы с представителями американской IT-элиты: главой *Apple* Стивом Джобсом, основателем и руководителем *Facebook* Марком Цукербергом, главой *Twitter* Диком Костоло, гендиректором *Google* Эриком Шмидтом, основателем и гендиректором *Oracle* Ларри Эллисоном и другими (всего 12 человек), состоявшийся 17 февраля 2011 г. в Сан-Франциско. Обратите внимание: мероприятие проходило не в официальном Белом доме, а в частной резиденции на другом от Вашингтона конце США.

Даже в финансовой сфере, казалось бы, сильной своими традициями, власть ныне находится в руках не акционеров, а наиболее креативной части менеджмента. Что, помимо прочих причин, стало одним из ключевых факторов мирового финансово-экономического кризиса, переживаемого нами в настоящий момент.

Впрочем, гэлбрейтовский термин «организованные знания» современным экономическим практикам не вполне подходит по нескольким обстоятельствам.

Во-первых, было бы неверным говорить исключительно о знаниях, игнорируя такие составляющие компетенций, как умения и навыки. Фундаментальная наука, как известно, в первую очередь основывается на знаниях, однако вряд ли ученые-теоретики нашли бы себе применение «по специальности» в современной корпорации.

Во-вторых, говоря об организованных знаниях, Гэлбрейт подразумевал коллективный характер принятия корпоративных решений, и в этом смысле с классиком нужно согласиться. Однако, когда мы имеем в виду экономику в целом, то вкладываем в термин «организация» несколько иное смысловое содержание, полагая, что организация в данном случае – это система согласованного взаимодействия рассредоточенных носителей знаний в масштабах всего национального хозяйства.

В-третьих, если уж говорить об обладателях знаний, умений и навыков как о социальном явлении, то уместнее было бы называть этот феномен не *организованными*, а *рассеянными* компетенциями. Этот важный теоретический поворот не позволил проскочить Фридриху Хайеку: «Разнообразные пути передачи знания людям, строящим на его основании свои планы, есть центральная проблема для всякой теории, объясняющей экономический процесс. Вопрос о наилучшем способе использования знания, изначально рассеянного среди множества людей, или, что то же самое, о построении эффективной экономической системы, является по меньшей мере одним из главных и для экономической политики»⁴¹.

Если систематизация (и обмен) рассеянной информацией, по Хайеку, и есть рынок, то систематизация рассеянных компетенций есть тот самый «один из главных вопросов» для

³⁹ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. – М., 2004. – С. 98.

⁴⁰ Гэлбрейт Дж. Указ. соч. – С. 96.

⁴¹ Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок. – Челябинск, 2011. – С. 95.

экономической политики. Уточню: рассеянные компетенции охватывают весь спектр современного экономического контента, воплощающегося, как было сказано в начале, в продуктовых, социальных и управленческих решениях.

Та система государственного управления экономикой, что ближе других продвинется к пределу совершенной организации рассеянных компетенций, будет задавать тон во всем мировом хозяйстве. Однако предложенный тезис будет верным при одном неременном условии: институциональная среда вне зависимости от степени ее развития должна быть статичной либо в крайнем случае эволюционно перестраивающейся.

Если же, к примеру, правовая конструкция хрупкая, а тем более постоянно ломается, значение формализованных правил минимизируется, что вносит в общественную жизнь элементы хаоса. Как писал об этом Нобелевский лауреат по экономике (1986) Джеймс Бьюкенен, «правила обеспечивают для каждого участника предсказуемость поведения других. Эта предсказуемость принимает форму информации или информационных рамок относительно возможных поступков взаимодействующих лиц. Для того, чтобы выполнять свои функции, правила должны быть стабильными. Если правила подвержены постоянным изменениям, передаваемая ими информация теряет всякое значение»⁴².

⁴² Бреннан Дж., Бьюкенен Дж. Причина правил. Конституционная политическая экономия. – СПб., 2005. – С. 31, 35.

Каста посвященных

Радикальный передел политических оснований и прав собственности на факторы производства, вихрем пронесшийся по многим государствам в 90-е, привел к тому, что в отдельных странах старый институциональный (в первую очередь – правовой) уклад был разрушен, а новый по разным причинам так и не построен⁴³.

В результате, оседлав правовой вакуум и поставив непреодолимый заслон на пути независимой правоприменительной практики, к власти пришли не юристы, экономисты или иные носители организованных знаний (рассеянных компетенций), а прежде малоизученная политико-экономическая страта – касты посвященных. Пользуясь правовыми лакунами и не спеша их «запаклить», новоявленные политические и экономические персонажи принялись устанавливать собственные квазиправовые традиции, обязательные для исполнения всеми «посвященными» во властные группировки.

В результате в некоторых странах сегодня мы имеем не «капитализм старых друзей» как это некогда было на Тайване или Филиппинах, и не «управляемый капитализм», в качестве образцов которого можно предложить Южную Корею или Китай, а капитализм посвященных.

Посвященные интуитивно поняли все выгоды слабой законодательной базы, поэтому были крайне заинтересованы в пролонгации правового дефицита. Слабость нормативного порядка позволяла им насаждать собственную, модифицированную под клановую систему неформальных (понятийных) координат. И надо признать, что пока продлевать действие правовой пустоты им удается: в некоторых постсоветских государствах без каких-либо сопутствующих институциональных улучшений сменились уже три поколения политиков.

Логичный вопрос о мотивах (помимо, естественно, тщеславия), прибавлявших сил посвященным на пути к политическим вершинам, разрешается раскрытием возможных выгод от их нахождения во власти.

Об удовлетворении амбиций уже сказано. Реализация честолюбивых помыслов о движении к национальному процветанию оказывается ложной версией, исходя из анализа действий посвященных уже в первое время пребывания на политическом Олимпе.

Остаются имущественные интересы. Это не столько деньги (их объем в личном распоряжении со временем становится абстракцией), сколько те самые факторы производства. Присвоение прав собственности на них должно, по мысли посвященных и согласно постулатам классиков, придать незыблемость их политическому верховенству.

В подразумеваемых государствах не крупнейшие предприниматели (или как их еще называют – олигархи) предстают истинными собственниками капитала, но власть предрежащие, обладающие полномочиями собственности не только в части владения, распоряжения или пользования, но также, если следовать англосаксонскому перечню правомочий, правами на доход, на капитальную стоимость или на иммунитет от экспроприации. Подтверждениями могут служить сверхконцентрация собственности, преобладание офшорных компаний в структуре владения финансово-промышленным капиталом (что маскирует реальных правообладателей) и, конечно, плачевные результаты деятельности крупнейших компаний. Все это на фазе длительного экономического спада создаст для касты посвященных дополнительные финансовые и социальные проблемы.

Права собственности посвященных со временем распространились не только на факторы производства, но и на общественный сектор (оборону, безопасность, образование, здравоохранение, науку, культуру). С подчинением их интересам бюджетного института круг

⁴³ К числу таких государств на постсоветском пространстве относятся практически все страны – члены СНГ.

замкнулся – посвященные получили в свое распоряжение и контроль не только государственные активы, но и пассивы. Обогащение, обязательным условием которого является благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура, пошло по замкнутому циклу.

Со временем любая тайная организация мифологизируется. Однако если «посвященные» представители властной конструкции еще как-то могут руководствоваться им одним известными принципами, то общество не может так жить, что называется, по определению, поскольку неформальными постулатами попросту не владеет.

Рейдерство как улика

Одним из наиболее ярких страновых примеров «заморозки» правоприменения, произошедшей при непосредственном участии касты посвященных, стал разгул рейдерства (от англ. *raid* – захват, внезапное нападение), или противоправного присвоения (перераспределения) правомочий собственности⁴⁴. Несмотря на то что рейдерство как феномен появилось в отдельных экономических системах еще в начале 90-х, пик преступной деятельности пришелся на времена, когда к власти пришла каста, явно не заинтересованная в построении открытого правового государства.

Рейдерство тогда ошибочно ассоциировалось с такими проявлениями корпоративной агрессии, как гринмейл (корпоративный шантаж) или недружественное поглощение. Основное заблуждение состояло в том, что эти формы трансформации корпоративного контроля свойственны правовому пространству, тогда как рейдерство изначально выстраивалось на полном либо частичном, а главное, беспрепятственном нарушении законодательства.

Гринмейл, или получение денежных средств через выкуп акций по завышенной цене (вариант – отступные), может выступать лишь одним из формально законных инструментов рейдерства. Что касается недружественных (враждебных) поглощений, то «в США и Великобритании этот термин имеет совершенно иное значение, отличное от российского. Если в иностранных юрисдикциях это означает скупку акций на рынке, осуществляемую против воли менеджмента компании и (или) собственников наиболее крупных пакетов акций, то в России недружественные поглощения чаще всего представляют собой установление контроля над компанией с применением противозаконных методов и средств, часто сопровождающихся завладением акциями компании против воли их настоящих собственников»⁴⁵.

Отличительной характеристикой специфического феномена рейдерства выступает то обстоятельство, что противоправная деятельность очень часто осуществлялась на профессиональной основе, иными словами, в некоторых государствах тех времен функционировало множество формальных и неформальных структур, основным профилем деятельности которых было именно противоправное перераспределение правомочий собственности. Помимо заказчиков, другими субъектами выступали партнеры рейдерских организаций и заинтересованных сторон (клиенты, потребители, поставщики), конкуренты, менеджмент, банки, страховые компании и конечно представители органов власти.

Методы рейдерских акций также были основаны на противозаконных действиях: мошенничество, подделка реестров акционеров и учредительных документов, преднамеренное фиктивное банкротство, незаконные распродажа или замещение активов, противоправный контроль над менеджментом, сговор с должностными лицами, коррупция. И если «изначальное разграничение законных прав влияет на эффективность действия экономической системы»⁴⁶, то есть на ее капитализацию, то правовое «желе» в рейдерском преломлении означает, что «любой актив стоит ровно столько, сколько денег надо вложить в его отъем»⁴⁷.

⁴⁴ В диссертации одной из моих лучших учениц Елены Громовой риск рейдерства определен так: «Риск рейдерства – это вероятность противоправного перераспределения прав собственности в условиях организационной, правовой и экономической неопределенности, влияющая на изменение стоимости хозяйствующего субъекта. При этом собственность хозяйствующего субъекта представлена и как имущественный комплекс, и как акционерный капитал, и как рыночная стоимость, и как генератор рыночной информации, и как объект социально-экономических отношений». (Громова Е.В. Методы и инструменты управления риском рейдерства предприятий и организаций // Дисс. на соискание ученой степени кандидата экономических наук. – Пенза, 2009. – С. 36–37).

⁴⁵ Молотников А.Е. Слияния и поглощения. Российский опыт. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2007. – С. 16.

⁴⁶ Коуз Р. Фирма, рынок и право. – М., 1993. – С. 104.

⁴⁷ Ионцев М.Г. Корпоративные захваты: слияния, поглощения, гринмейл. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2008. – С. 34.

Рейдерская волна утихла не по причине принятия соответствующих законов или наведения правового порядка, а потому, что львиная доля «доступных» центров генерации дохода была перераспределена. Однако в середине второго десятилетия провластный рейдерский инструментарий по-прежнему может быть активирован в считанные мгновения – беззубость правоприменения никуда не исчезла.

«Лишнее» образование

Препятствование объективно-историческому тренду на усиление экономического влияния носителей рассеянных компетенций становится одной из важнейших причин отставания национальных хозяйств от общемировых направлений и скоростей развития. Приход истинных (не «ряженных») обладателей компетенций в политику, по сути – инкорпорирование в касту посвященных, невозможен, так как повлечет либо внутренний интеллектуальный диссонанс у «новобранцев», либо распад самого властного клана. Отсюда – короткая «скамейка» пригодного к активированию кадрового резерва. Одним из многочисленных свидетельств сопротивления наступлению новой эпохи является ситуация с подготовкой квалифицированных специалистов.

Хорошее, качественное образование капитализму посвященных без надобности. Если бы одной из задач этой системы было даже не достижение технологического превосходства, а недопущение технологического отставания, в странах, где такая форма капитализма ныне правит бал, присутствовали бы и современная образовательная база, и квалифицированный преподавательский состав, и зримые успехи новых поколений инженеров. Интеллект, компетенции, в отличие от производственных активов, неотделимы от владельца. Массовая технократическая эмиграция и стремительная интеллектуальная и социальная деградация оставшихся носителей компетенций предопределяют разрушение остатков техноструктуры, еще сохранившейся по инерции с прошлых времен⁴⁸.

Казалось бы, посвященные должны хотя бы сформулировать запрос на контроль над технократической генерацией (в частности, над системой подготовки специалистов), но и этого нет. Что же до публичной риторики, то она представляется действиями по минимизации неблагоприятных общественных изменений⁴⁹. Что могут изменить увещевания, если, как в первых фордовских автомобилях, колеса не дружат с рулем, если архаичный непотизм (кумовство и фаворитизм в отношении родственников или друзей вне зависимости от профессиональных качеств) объективно не в состоянии подменить требующиеся в современной политической и экономической парадигме знания, умения и навыки?

Непотизм стал базовым механизмом проведения неформальных «конкурсов» при отборе кандидатов на различные должности в иерархии законодательной и исполнительной власти. Не профессиональный опыт или практические навыки, а дружеская или родственная близость к члену касты и готовность последнего пойти на взаимовыгодное поручительство (гарантии нынче платные не только в банковской сфере) – вот что стало приводными ремнями социальных лифтов.

Впрочем, «гарантия» не освобождает претендента от оплаты кастового «входного билета», цена которого для «соискателя» на должность, например, территориального руководителя составляет в отдельных государственных конструкторских бюро десятки миллионов долларов. Зато «гарантия» – это кастовая индульгенция, степень защиты которой позволяет избежать ответственности даже самым одиозным чиновникам.

Послесловие

⁴⁸ Как отмечал Майкл Полани, «искусство, которое не практикуется в течение жизни одного поколения, оказывается безвозвратно утраченным. Жалко наблюдать бесконечные попытки – при помощи микроскопов и химии, математики и электроники – воспроизвести единственную скрипку, сделанную среди прочих скрипок полуграмотным Страдивари более 200 лет тому назад». (Полани М. Личностное знание: На пути к посткритической философии. – М., 1985. – С. 87).

⁴⁹ «Рынку нужны новые квалифицированные специалисты!» Парадокс в том, что рынку как обезличенному оценочно-распределительному механизму специалисты как раз не нужны. Специалисты нужны экономике, стране, но не современным представителям некоторых государств, как бы нас ни убеждали в обратном.

Сегодня касты посвященных находятся у власти в основном в сырьевых странах. Однако распространенное мнение, что контроль над энергетическими ресурсами и разнообразной внутристрановой инфраструктурой может продлить их пребывание во главе государств на неопределенно долгое время, неверно по нескольким обстоятельствам.

Во-первых, мировое ресурсное потребление неуклонно сокращается (подробнее – в главе 14). Так, в 2013 г., несмотря на относительно высокие мировые цены на нефть, показатели экспорта углеводородов во многих сырьевых государствах стали самыми низкими за последнее десятилетие, что привело к снижению финансовых результатов государственных сырьевых компаний и значительным бюджетным затруднениям⁵⁰.

Во-вторых, физический и моральный износ объектов инфраструктуры сказывается на качестве предоставляемых услуг. Рост инвестиционной активности в этих секторах маловероятен по причине недостатка средств в государственных бюджетах, с одной стороны, и долгосрочных экономически обоснованных инвестиционных задач в самих крупных корпорациях, с другой.

В-третьих, не следует игнорировать динамические изменения в возрастной, образовательной, квалификационной структуре обществ, а также многократно возросшие темпы глобальных общественно-политических изменений. В наши дни горизонт перемен сузился с тридцати-сорока лет, как в первой половине XX в., до одного-двух десятилетий.

У политологов, конспирологов, нумерологов, представителей прочих увлекательных интеллектуальных занятий, возможно (и скорее всего), будет иная точка зрения на происходящие мировые процессы. Однако с позиции экономической теории темпоритм глобальных перемен видится именно таким.

Предстоящие сдвиги в экономической, а затем и в политической конструкциях некоторых государств станут проявлениями объективных историко-экономических процессов. Предтечей, как и в прошлые времена, будет глубочайший экономический кризис: хозяйственный упадок, техногенные аварии, растущий недостаток бюджетных средств с сопутствующими увеличением налогообложения и девальвацией национальных валют, ускорение инфляции и безработицы. Возможные социальные потрясения, как всегда, непредсказуемы.

Проблема не в том, что разработать и реализовать стратегию плавных изменений в общественной жизни невозможно, а в том, что каста посвященных ее объективно не воспримет. Среднесрочное будущее таких государств будет отягощено сразу двумя негативными обстоятельствами: трудностями трансформации власти, что связано с попытками узурпации руководящих полномочий правящей кастой (вплоть до массового неповиновения и вооруженных столкновений с оппозицией), и сопутствующим витком социально-экономического кризиса.

⁵⁰ Вряд ли моему читателю нужно разъяснять, что в современной экономике цены на нефть определяются на основе механизмов фондового, а не товарного рынка.

Глава 3. Общак

Приметами нынешнего времени в России можно назвать многое: углеводороды, коррупцию, офшоры, обналичку и даже потребительский бум. И все же эмблемой нашей эпохи, по крайней мере одним из ключевых ее символов, является общак (коллективные сбережения, «черная касса», общий котел – синонимичных оборотов много). Общак в России стал и «духовной скрепой», и несущей конструкцией, и связующей нитью касты посвященных, словом, важнейшим незаконным, зато легитимным общественным институтом.

Легендарный Александр Гуров⁵¹, одним из первых на излете Союза приоткрывший завесу тайны над советской организованной преступностью, выделял две разновидности общаков.

Первая – общаки «на зоне», или лагерные общаки. Вклады в них поступали (и поступают) как деньгами, так и «натурой» – продуктами, сигаретами, теплыми вещами, бытовыми приспособлениями. Основными статьями расходов таких общаков были и есть дополнительное обеспечение осужденных, должностной подкуп охраны, а также поддержка родственников тех, кто отбывает наказание.

Вторая – общаки «на воле», или свободные общаки. Взносы в них через «звеньевых» и «бригадиров» приходили и приходят от членов преступных сообществ, занимающихся как незаконной предпринимательской деятельностью, так и традиционным воровским промыслом (в последние годы к источникам поступлений прибавились доходы от таких видов преступного ремесла, как рэкет, рейдерство, неформальный суд или выбивание долгов, так сказать, «частное коллекторство»). Спектр расходов общаковых средств огромен – от содержания «воров в законе» и финансирования подготовки к новым преступлениям до инвестиций в легальные, часто формально независимые от преступных группировки предприятия реальной экономики.

Сегодня многие эксперты смогут без труда назвать банки, когда-то «за недорого» купленные на средства общаков (в середине 90-х «цена» готового коммерческого банка составляла 1–2 млн долл.), а ныне прочно занимающие верхние строчки в топ-списках кредитных организаций. Общаковые деньги вложены в приватизацию или строительство объектов коммерческой недвижимости, в которых в наши дни ничего не подозревающие горожане обедают, назначают свидания, проводят деловые встречи. У всех на слуху крупнейшие российские компании, в обретении контроля над которыми в свое время активное участие принимали преступные группировки, причем не только силовыми, но и финансово-коррупционными методами.

Совокупный объем средств общаков точному подсчету не поддается, однако лишь вложения в земельные участки, коммерческую и жилую недвижимость, основные средства и финансовые структуры можно оценить во многие миллиарды долларов. Общаки – основа серого сектора российской экономики, чей удельный вес доходит, по разным оценкам, до половины ВВП (свыше триллиона долларов). Власть, конечно, «в курсе», однако предпочитает не замечать очевидного: во-первых, не буди лихо, пока оно тихо, а во-вторых, сама завязла по уши.

⁵¹ Генерал-лейтенант полиции и генерал-майор ФСБ, доктор юридических наук, профессор Александр Гуров – легендарный борец с организованной преступностью и коррупцией, автор (совместно с Юрием Щекочиным) двух сенсационных статей в позднесоветской «Литературной газете» об организованной преступности в СССР: «Лев готовится к прыжку» и «Лев прыгнул!».

Краткое содержание предыдущих серий

Мнение, будто общак как российский институциональный феномен существует исключительно в параллельных преступных реалиях и к повседневной жизни никакого отношения не имеет, опровергается многочисленными историческими контраргументами. Следы «черных касс» можно найти в самых разных веках русского средневековья, дореволюционного и советского общества.

Общаки, схроны существовали в России как минимум со времен татаро-монгольского ига. Наши праотцы, находившиеся под двойным гнетом удельных князей и татарских ханов, жили в постоянном страхе потерять последнее в результате либо грабительского обложения со стороны «оседлого бандита», либо катастрофических по последствиям набегов «бандита-гастролера»⁵². Стремясь иметь резервы на черный день, местные жители под страхом самых разных санкций постоянно и тайно держали про запас энное количество денег, продовольствия, предметов первой необходимости.

Обычай «заначить» сохранился и в Средние века, после устранения татаро-монгольской угрозы. На этот раз в роли «грабителя» выступали уже царская власть и ее наместники, устанавливавшие непомерные по содержанию, учащающиеся по регулярности и конфискационные по степени наказания за неисполнение поборы⁵³. Доходило до того, что русские цари и их окружение физически уничтожали собственный народ за неповиновение и непослушание⁵⁴. Общак часто служил последним способом спастись от голодной или холодной смерти.

Традиция неосязаемых властью коллективных сбережений сохранилась и в дореволюционные годы, подтверждение чему – многочисленные «закладки», до сих пор обнаруживаемые в ходе ремонтных работ или краеведческих экспедиций не только в реконструируемых и сносимых жилых домах, но и на пустующих землях и даже в современных общественных местах.

Доверие к власти – проблема для России историческая, и каждое новое поколение российских руководителей лишь подтверждает существующий разрыв государственной и общественной идеологий. И если в Европе или США закон и справедливость синонимичны, то в России это жесткие антагонисты.

После Октябрьского переворота градус недоверия между властью и обществом как минимум не снизился – например, общаковые по своей экономической природе кассы взаимопомощи были широко распространены практически во всех организациях советской непроизводственной сферы: школах, больницах, научных институтах и т. п. Служивцы регулярно сбрасывались в общий котел, и кто-то по очереди через определенные времен-

⁵² «Оседлый бандит» и «бандит-гастролер» – эпитеты, означающие прообразы государства как механизма насилия и принуждения, – вышли из-под пера американского экономиста Мансура Олсона.

⁵³ К примеру, во время Северной войны (1700–1721) политика Петра I по отношению к купечеству отличалась крайней фискальной жесткостью. Для финансирования военных действий регулярно вводились новые налоги и повинности, проводились конфискации и преследования, сокращались источники накопления торгового капитала. Соккрытие части оборотных средств в те времена было нормой.

⁵⁴ Описывая времена правления царя Ивана Грозного, историк Николай Костомаров приводит множество леденящих душу подробностей: после массовых пыток и убийств новгородцев в Волхове царь начал «ездить по монастырям и приказал перед своими глазами истреблять огнем хлеб в скирдах и в зерне, рубить лошадей, коров и всякий скот, купеческие товары, ломать дворы и хоромы, выбивать окна, двери в домах, истреблять домашние запасы и все достояние жителей. В то же самое время царские люди ездили отрядами по окрестностям Новгорода, по селам, деревням и боярским усадьбам разорять жилища, истреблять запасы, убивать скот и домашнюю птицу. Последствия царского погрома еще долго отзывались в Новгороде. Истребление хлебных запасов и домашнего скота произвело страшный голод и болезни не только в городе, но в окрестностях его; доходило до того, что люди поедали друг друга и вырывали мертвых из могил» (Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: Избранные главы. – М., 2008. – С. 288–289).

ные интервалы «срывал банк». При возникновении негативных материальных или личных обстоятельств последовательность нарушалась в пользу оказавшегося в трудной ситуации коллеги. И это в Советском Союзе, где человек человеку был друг, товарищ и брат!

Систематизация игнорируемого

Предпримем, возможно, первую в современной российской экономической теории попытку систематизировать роль общака как важнейшего института новой реальности. Но прежде констатируем: роль необлагаемого налогами, отсутствующего в отчетности общака в современной России гораздо шире, чем простое перераспределение сбережений. Обшак – это социальная традиция, передающаяся из поколения в поколение, от предыдущей общественной страты к последующей. Так что дилемма, перенимать у социума общаковый обычай или нет, перед уголовным миром не стояла: мало того что преступившие закон – это тоже часть общества, обладающая тем же менталитетом, так еще и неписаное правило заводить общак установилось отнюдь не вчера, а в ходе предшествующего развития страны. «Не мы вводили, не нам и отменять».

Во-первых, современный общак – это страховой фонд на случай «чрезвычайных ситуаций». Все мы не раз говорили о том или ином коррупционере, что он избежал наказания (вариант – реального лишения свободы), потому что «делился». С кем делился? Чем? На что пошли «подаренные» активы? Ответ на эти вопросы, как правило, предстает в форме мимики и жестикуляции – многозначительно поднятые вверх всезнающий взгляд и не менее осведомленный указательный палец.

Между тем в большинстве случаев отгадка – тот самый общак. Если абстрактный коррупционер действительно «делился», значит, он член клана, преступного сообщества, обоснованно рассчитывающий не только на административную и правоохранительную, но и на коррупционную поддержку других участников. Предадут? Тогда зачем «делиться» остальным? Сегодня сдали его, завтра – тебя. Много ли мы знаем сбоев круговой поруки?

Во-вторых, современный общак – это ключевой атрибут модернизированного коррупционного строя. Сопоставьте принципы формирования материальной базы легальных общественных организаций и незаконных общаков. Например, в Уставе КПСС было записано: «Членом партии считается всякий, признающий программу партии, работающий в одной из ее организаций, подчиняющийся постановлениям партии и уплачивающий членские взносы». Все то же самое, только вид сбоку. Специально для «верных ленинцев»: речь не о приравнивании коммунистов к коррупционерам, а о том, что и те и другие – организация. В первом случае – законная, во втором – нет.

Сегодня уплата общаковых взносов как символ принадлежности к «ордену» сулит его членам огромные возможности (естественно, в пределах установленных группировкой границ дозволенного, или, на сленге – «берегов»). От присутствия на статусных мероприятиях (самых разных масштабов вплоть до международного) рядом с «магистром» до решения любых бизнес-вопросов без привязки к итоговым результатам. От государственной поддержки на внешних рынках до защиты от претензий правоохранительных органов любого уровня. От получения бюджетных средств без соответствующего обоснования до помощи в разрешении щекотливых ситуаций, связанных с неплатежеспособностью и банкротством отдельных подконтрольных коммерческих структур.

В-третьих, современный общак – это средство получения дополнительного дохода внутри коррупционного сообщества. Времена, когда общаки создавались исключительно как кассы взаимопомощи, неважно, преступные или «общественные», ушли в прошлое. В наше время общаки используются для «справедливого» перераспределения коррупционного дохода, минимизируя риск «сегодня густо – завтра пусто» в отношении безымянного героя группы. Если конкретный служащий длительное время «разрабатывает» потенциально «хлебную» тему – что ж ему, «в дороге» лапу сосать?

Из общака можно получить дополнительное финансирование, особенно если часть «общих» средств уже размещена в «долевом» бизнесе. Общакковые деньги активно ссужаются, легализуясь и принося дополнительный доход («деньги должны работать!»)⁵⁵. Наконец, часть средств всегда можно бменять на нематериальную помощь «друзей-соперников» из аналогичной группировки.

Знатоки представленный перечень методологических общакковых свойств, без сомнения, продолжат, однако данная глава – не свод дополнений в соответствующую статью «Энциклопедии преступного мира», а краткое исследование феномена общака как социально-экономического явления.

⁵⁵ Как признался заместитель министра финансов Алексей Моисеев 25 сентября 2013 г. в эфире федерального канала «Россия-24», 8–12 лет назад ресурсную основу микрофинансового кредитования в России составляли деньги общаков. Замминистра так и сказал – «общаки». Иными словами, государство знало об отмывании преступных капиталов, но ничего для его пресечения не делало (http://www.vesti.ru/only_video.html?vid=540291).

Общакровая машинерия

«Когда же они нажмутся!» – то и дело слышим мы гневный возглас обывателя. Никогда. Общак – не резервуар и не аккумулятор, общак – механизм, суть которого не столько в сборе фиксированного объема добровольных пожертвований, сколько в обеспечении бесперебойного функционирования всей системы, будь то тюремное, преступное или коррумпированное сообщество. Сегодня в этом параллельном мире карается не столько расточительность крестных отцов, сколько утаивание взносооблагаемых доходов (на сленге – «крысятничество»). «Крыса» с позором изгоняется из стаи, а иногда, особенно если это публичная фигура, вместе с ближайшим окружением на какое-то время становится образцовым изгоем, попутно исполняя роль пугала⁵⁶.

Впрочем, «крыса» – это преступник среди преступников. Новейшая история знает немало примеров, когда инвестирование общаковых ресурсов становилось убыточным по вполне объективным причинам. В этих случаях виновники подвергались длительной внутригрупповой обструкции и даже вне сообщества («сарафанное радио» всегда и везде работает безотказно) получали клеймо «нерукопожатных».

К слову, руководитель преступной группы никогда не был хранителем общака – он, скорее, эдакий «председатель совета». Для обеспечения сохранности и приумножения средств в каждой группировке существует отдельный, проверенный и замаранный в предыдущих делах «кошелек». К которому, в свою очередь, приставляется «застежка», а к ней – дополнительный «шпингалет».

Не подберешься, да это «плательщикам» и не нужно. Причем «кошелек», точнее, «кошельки» – отнюдь не кассиры, а, скорее, управляющие с правом финансовой инициативы⁵⁷. И если небольшие, по меркам конкретной группировки, проекты могут реализовываться «кошельками» самостоятельно, то все без исключения средние и крупные инвестиционные инициативы подлежат обязательному коллегиальному рассмотрению в специальном, создаваемом для таких целей «комитете».

Несколько слов о механизме функционирования общака. В нашу эпоху общаковые капиталы уже не покоятся «в безымянной могиле», как это принято показывать в кинофильмах или описывать в бульварной литературе. Впрочем, банковские счета также не подходят – всегда есть риск внезапной потери (конфискации), «стрижки» или банальной операционной ошибки. Деньги, как уже говорилось, «должны работать», и здесь как нельзя кстати подходят офшорные схемы.

Общепризнано, что в России середины второго десятилетия XXI в. до 90 % производственной собственности оформлено на компании из офшорных и полуофшорных юрисдикций, где конечные бенефициары (выгодополучатели) не раскрываются. Нет никаких оснований отрицать, что значительная часть российских общаков вкладывается в наши (а в последние годы и в зарубежные) промышленные активы как раз через «налоговые гавани».

Даже если офшорно-российская компания выставляет данные об основных собственниках на всеобщее обозрение, вопрос, какой объем собственности в действительности принадлежит так называемым олигархам и прочим «капитанам бизнеса», так и остается открытым. Больше того, отдельные российские структуры, те же банки, с преобладающим офшорным капиталом нынче не гнушаются привлекать в совладельцы вполне респектабель-

⁵⁶ Вполне вероятно, что отсутствие результативной части по некоторым громким коррупционным скандалам последних лет имеет именно такое объяснение.

⁵⁷ К «кошелькам» можно небезосновательно отнести многих знаковых персонажей как финансового, так и реального сектора отечественной экономики: от руководителей-контролеров крупнейших российских банков с преимущественно сырьевой ориентацией до владельцев российских и зарубежных спортивных клубов.

ные организации, в том числе учрежденные правительствами тех или иных стран вплоть до американского. Как такое становится возможным – неизвестно, зато известно, что коррупционный экспорт из России в последние годы не уступает сырьевому.

Следующая после собственности часть механизма – финансирование. Обналичка, или незаконные финансовые операции, детали которых раскрыты в следующей главе, крайне необходима в качестве приводного ремня для пополнения общаков, а потому все предпринимаемые сегодня «антиобнальные» усилия никакого эффекта (за исключением концентрации незаконных денежных потоков в нескольких контролирующих провластных руках), скорее всего, не дадут. Для ликвидации обналички нужно, помимо прочего, либо ликвидировать сами общаки (что смешно), либо изобрести новый способ их комплектования (что гениально).

И, наконец, репутация. Не все общаковые деньги инвестируются в финансово-промышленные активы. Огромное внимание уделяется социальной арматуре – вложениям в спортивные, культурные, информационно-пропагандистские, политико-правовые проекты. Создание положительного имиджа имеет ключевое значение не только для спокойного и «сравнительно честного» изъятия денег из общественного кармана, но и для принятия нужных решений на уровне руководства. Пиарщики и коммуникаторы не дадут соврать: значение бэкграунда, социального информационного фона, легко недооценить, но трудно не заметить.

Послесловие

Почему же общество, осознавая легитимность (неформальное признание права на существование) института народных общаков, начисто отказывается в этом общакам властным? Ответ очевиден – происхождение средств. Одно дело, когда общак – пусть формально и нелегальный (функционирующий вне рамок правового поля), но общественно признанный, и совсем другое – когда он и нелегальный, и нелегитимный, формируемый с нарушениями принятых в обществе норм справедливости.

Ключ к искоренению института народных общаков – не столько в фискальных или силовых потугах, сколько в восстановлении доверия между властью и обществом. Тяжелое многовековое наследие взаимной подозрительности исключает быстрые позитивные изменения. Однако варианты вовлечения некогда выведенных из экономики ресурсов в легальный финансово-хозяйственный оборот есть всегда – от налоговой амнистии до силовой экспроприации. Сильное государство и карательное государство – разные смысловые конструкции.

Случай с властными общаками особый, терапевтическими методами (вроде финансирования социально значимых мероприятий или эффективного финансового менеджмента) не купируемый. Нужна хирургия, точнее – ампутация. Видимо, подсознательно понимая невозможность общественного компромисса, власть предрежающая всеми возможными способами пытаются максимально надежно упрятать украденные у общества средства, в том числе через вложения в самые разные зарубежные проекты. Что же до игнорирования наличия в России института властных, коррупционных общаков, то этот факт лишь подтверждает определение, вынесенное в название книги.

Глава 4. Финансовый нарыв обналички

Второе десятилетие нынешнего века содержит немало круглых дат из истории новой российской экономики. Некоторые дни календаря будут отмечаться с помпой и фанфарами, а иные наверняка останутся в забвении, что вполне объяснимо: во-первых, точные сроки появления отдельных экономических форматов часто определить невозможно, во-вторых, многие факты отнюдь не красят существующий государственный порядок.

К примеру, странно было бы наблюдать карнавалы и фейерверки по случаю четвертьвековой годовщины обналички – незаконной финансовой операции, благодаря которой, между прочим, миллионы россиян достигли нынешнего уровня благосостояния. Пропустим праздничек – а зря. Сегодня уже мало кто вспомнит, что этот «гнилой зуб» отечественной экономической системы вылез на излете 80-х и, несмотря на смену нескольких поколений финансовой и правоохранительной бюрократии, настолько плотно вписался в хозяйственный прикус нашего общества, что начинающие предприниматели, кажется, уже не представляют себе времена, когда российская экономика обходилась без «черного нала».

Теория финансового воровства

Для тех, кто не в курсе (допускаю, что таких в современной России очень и очень немного): обналичка, или обнал – сленговое, обиходное название финансовых операций, совершаемых экономическими агентами для уменьшения причитающихся к уплате налогов и получения не учитываемых в бухгалтерских документах наличных денежных средств – того самого «черного нала». Обналичка в основном осуществляется путем заключения мнимых, ничтожных сделок⁵⁸, в рамках которых «исполнитель» обязуется выполнить работы (оказать услуги, поставить товарно-материальные ценности), а «заказчик» – оплатить их исходя из своих возможностей и потребностей.

Обналичка зародилась в нашей экономике в конце 80-х после принятия легализовавшего предпринимательство Закона СССР от 26 мая 1988 г.

№ 8998-XI «О кооперации в СССР». В те годы у государственных предприятий в ходу были привычные безналичные средства («безнал»), купить на которые что-либо для нужд предприятий было сложно, а для личного пользования – невозможно. Нужен был «нал», и желательно неучтенный, «черный».

Уже в первые месяцы кооперативного движения основная масса производственных товаров (работ, услуг) обрела двойные ценники. Одни, более высокие – «по безналу», что предполагало обязательное отражение приобретений в бухгалтерской отчетности предприятий. Другие, значительно ниже, – «за нал», что подразумевало практически полную свободу действий с приобретаемой продукцией.

Сегодня в это трудно поверить, но в те времена цена «лобовой» обналички достигала 40–60 % от суммы договора, а «черный нал» с соблюдением всех мер конспирации выдавался, как правило, пятидесяти- и сторублевыми купюрами с овальной иконкой вождя мирового пролетариата. Иностранная валюта была в диковинку, связываться с ней, несмотря на смягчение соответствующей статьи Уголовного кодекса⁵⁹, боялись: нередко были случаи, когда простакам вместо наличных долларов привычного зеленого цвета подсовывали фальшивки – например, красного окраса, – убедив их, что «красные» доллары и есть самые что ни на есть настоящие. Думаете, шутка? Если бы.

17 июля 1987 г., без малого за год до принятия Закона «О кооперации в СССР», вышло Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 821 «О совершенствовании системы банков в стране и усилении их воздействия на повышение эффективности экономики», ознаменовавшее переход советской банковской системы на коммерческую основу. 11 декабря 1990 г. был принят Закон СССР № 1829-1 «О банках и банковской деятельности», разрешивший создание коммерческих банков негосударственной формы собственности.

Стратегической ошибкой реформаторов «хозяйственного механизма управления социалистической экономикой» (в экономических вузах даже преподавалась такая дисциплина) было высочайшее дозволение на финансовую вольницу без соответствующего упреждающего, на худой конец сопутствующего переформатирования институциональных основ

⁵⁸ Статья 168 ГК РФ гласит: «Сделка, не соответствующая требованиям закона или иных правовых актов, ничтожна, если закон не устанавливает, что такая сделка оспорима, или не предусматривает иных последствий нарушения», к тому же согласно статье 169 ГК РФ, «сделка, совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, ничтожна». Последняя статья предполагает определенные меры ответственности: «При наличии умысла у обеих сторон такой сделки – в случае исполнения сделки обеими сторонами – в доход Российской Федерации взыскивается все полученное ими по сделке, а в случае исполнения сделки одной стороной с другой стороны взыскивается в доход Российской Федерации все полученное ею и все причитавшееся с нее первой стороне в возмещение полученного».

⁵⁹ Статья 88 УК РСФСР «Нарушение правил о валютных операциях» предусматривала уголовное наказание за спекуляцию иностранной валютой и валютными ценностями. Видами наказания были лишение свободы от 2 до 15 лет, ссылка от 2 до 5 лет, конфискация имущества, смертная казнь. Аналогичные статьи присутствовали в УК других республик СССР.

государственного управления экономикой. Проще говоря, в советской финансовой системе появились новые частные игроки с мотивацией, в корне отличной от социалистической, той, что декларировалась в Законе «О банках и банковской деятельности», в то время как организационная структура и функционал системы государственного контроля и надзора оставались прежними.

Правовой вакуум, последствия которого ощущаются по сию пору, стал одновременно и плодородной почвой, и живительной влагой, и эффективным удобрением для бурного расцвета бесчисленных финансовых махинаций. Большинство афер не прижилось, некоторые были разовыми, точечными (как, например, пресловутые «чеченские авизо»⁶⁰), но обнал не только выстоял в бурях и ураганах, но и пустил настолько глубокие корни, что даже просто купировать расширение его масштабов по-прежнему не удастся⁶¹.

И государственным, и частным банкам всегда было выгодно проводить операции с наличными деньгами. Вложения минимальны (в основном для соответствия постоянно менявшимся требованиям к кассовым узлам), затруднений практически никаких (если наличности не хватало, всегда была возможность «подкрепиться» в государственных РКЦ), в то же время доходы за выдачу «нала» составляли весомую долю в общей прибыли кредитных организаций. А если открыть при банке обнальную конторку, «доход» от работы которой сопоставим с легальными операциями, то можно в ежедневном режиме пополнять неучтенной наличностью собственные, а также хозяйские карманы.

И пошло-поехало. Уже в начале девяностых в России сформировался устойчивый теневой рынок спящих, но всегда готовых к пробуждению банков, цена на которые колебалась в пределах одного-двух миллионов долларов. Приобретали банки (точнее, документы на них) все кому не лень: и коммерсанты, и топ-менеджеры действующих кредитных организаций, и, конечно, организованные преступные группировки (ОПГ). Цель во многих случаях была идентичной – запуск обнальных операций.

Хотите верьте, хотите нет, но некоторые из современных российских банков, входящие во всевозможные «топы», первые прибыли получили именно на обналичке (впрочем, во избежание «нервных срывов» им об этом лучше не напоминать). Да что там, многие из крупнейших банковских структур, что тогда, что сейчас, контролируются членами ОПГ (некоторые «собственники» долгие годы успешно справляются со своими обязанностями из-за границы). Сказать, что от клиентов на обналичку отбоя не было – значит ничего не сказать: в 90-е объявления «обналичу» были так же популярны, как реклама интимных услуг.

Со временем легальный банковский сектор становился «белым и пушистым» – полукриминальной удали банкиры начали предпочитать респектабельность. Кредитные учреждения одно за другим приобретали «карманные» банки-однодневки, в которых и проводились обнальные операции. Через определенное время (затраты на покупку такого банка

⁶⁰ «Чеченские авизо», или фальшивые авизо, – упрощенное наименование незаконных финансовых операций, заключающихся в изготовлении и сбыте фальшивых межбанковских документов (авизо), по которым на корреспондентские счета банков зачислялись указанные в них суммы. Мошенники пользовались тем, что документы из одного расчетно-кассового центра (РКЦ) в другой (в них обслуживались корсчета банков) путешествовали недели, а то и месяцы – если же представлялся оригинал авизо, да к тому же в банковской системе находился «свой» работник, отраженные суммы зачислялись в течение нескольких дней. Особый размах изготовление фальшивок приобрело в мятежной в те годы Чеченской Республике, отсюда и название. Ущерб от «чеченских авизо» точному подсчету не поддается, но даже по приблизительным оценкам может составлять триллионы тогдашних рублей. Деньги, полученные от реализации фальшивых авизо, шли не только на финансирование чеченских бандформирований, но и, например, на приобретение государственных активов в ходе приватизации. Незаконный «бизнес» исчез по мере внедрения в межбанковский документооборот средств электронной и криптографической защиты.

⁶¹ Журнал *Forbes* от 19 марта 2012 г.: «ЦБ и МВД с переменным успехом борются с обналичкой последние 20 лет. Например, 5–7 лет назад почти каждая вторая банковская лицензия отзывалась именно за нарушения противоотмывочного закона. Тогда банки обналичивали до \$1 млрд ежемесячно, после очередной волны борьбы с обналичиванием денег объемы снижались почти вдвое, но затем снова возобновлялись».

окупались в первые же месяцы его функционирования) обнальные банковские «дочки» утилизировались (например, перерегистрировались в других регионах на новых учредителей) и исчезали из поля зрения надзорных органов. На месте старых тут же появлялись новые – обнальный бизнес всегда был крайне доходным даже для посредников, не говоря уже о руководителях.

Конкуренция в полном соответствии с постулатами классических учебников отражалась на «тарифах»: расценки с безумных 40–60 % от суммы в начале 90-х упали до 0,5–2 % (в зависимости от суммы) на старте нулевых.

Модернизация по-российски

Поначалу схемы обналички были банальными донельзя: ушлые обнальщики регистрировали фирму (чуть позже компании стали открываться по утерянным или украденным паспортам), открывали расчетный счет в выбранном по рекомендациям знакомых или деловых партнеров банке, снимали наличные по статьям «хозяйственные расходы» или «закупки сельхозпродукции» и через три-четыре месяца, не желая связываться с квартальной бухгалтерской отчетностью, просто-напросто бросали компанию. С тех пор такие конторки именуются «однодневками», хотя такой ярлык ошибочен.

В первую половину 90-х даже визит к нотариусу для заверения подписей руководителей подобных фирмочек был не обязателен – наш хитрый на выдумки народ быстро научился делать точные копии нотариальных печатей, самостоятельно «заверяя» не только банковские документы, но и, к примеру, доверенности на право управления автотранспортными средствами⁶². С каждым днем количество поддельных нотариальных печатей становилось все больше, и государство не без подсказки самих нотариусов еще в 90-е существенно ужесточило порядок оформления типовых нотариальных действий.

Вернемся к почившим в бозе «однодневкам». Уже к началу нулевых в концепции фирм, через которые проходили многомиллиардные «левые» финансовые обороты, было наведено некое подобие порядка. Организации регистрировались в основном по прежнему алгоритму, но, дабы не привлекать внимания, год-полтора практически не функционировали. В то же время при коррупционном попустительстве сотрудников налоговых органов за эти компании регулярно сдавались бухгалтерские балансы и прочая отчетность – обнальщики проводили по счетам контор незначительные операции, начисляли минимальные заработные платы «сотрудникам» и уплачивали копеечные налоги.

С наступлением часа *X* «спящие» фирмочки преображались, по их счетам начинали проходить огромные средства, а банковские кассиры ежедневно готовили для их представителей внушительные суммы наличных к выдаче. Руководящие банковские работники, бывшие, как правило, неформальными хозяевами прибанковского обнального бизнеса, само собой, обо всем знали (куратором незаконных афер часто выступал топ-менеджер в ранге заместителя первого лица) и предпринимали все усилия, чтобы обнальные структуры работали как часы. Финал же подобных фирм оставался неизменным: перерегистрация и забвение.

Схемы обнала также совершенствовались. На смену «хознуждам» и «сельхоззакупкам» приходили и уходили фиктивные комбинации с брокерским обслуживанием купли-продажи ценных бумаг, рекламными акциями, депозитами под немыслимые проценты, страхованием жизни – всего не перечислишь. Все больше обнальных площадок работало на встречах курсах: одна компания продавала неучтенные наличные, «прогоняя» деньги через липовую контору, зачастую специально созданную под эту организацию, а другая эту «черную» наличность покупала. В последнем случае налицо двойная выгода для обнальщиков при полном отсутствии контактов с банком.

В наши дни в некоторых публикациях можно прочесть, что на смену фирмам-«однодневкам» (которые никакими «однодневками» не являются лет эдак уже пятнадцать) пришли операции с терминалами мгновенной оплаты, пластиковыми картами, стипендиями, гран-

⁶² Во время службы автора в рядах Советской армии произошел любопытный случай. Начальник штаба одной из воинских частей потерял гербовую печать (трибунал!), однако, к радости командования, среди солдат нашелся умелец, по оттиску вырезавший бритвой из каблука армейского сапога точную копию. Через некоторое время «печати» были в каждой роте, а количество солдатских увольнительных резко возросло. Позже печать нашлась в детских игрушках малолетнего ребенка начальника штаба.

тами и даже со счетами индивидуальных предпринимателей. Все это так (если не считать, что некоторые из этих схем умерли «естественным путем» по мере ужесточения денежного и фискального контроля). Однако первую скрипку, как и прежде, играют все те же специально созданные для обналажки юридические лица. Разница в том, что сегодня организации регистрируются на реальных граждан (далеко не всегда бомжей или алкоголиков), «директора» этих структур отвечают на вопросы заинтересованных органов в присутствии не самых плохих адвокатов, а непременным условием проведения обнальных сделок является предоставление исчерпывающего пакета документов для любых встречных проверок своих клиентов со стороны фискальных органов.

Современные обнальные практики способны поразить даже видавших виды конспираторов: если раньше обнальщики принимали клиентов в обшарпанных офисах, банковских предбанниках и даже на квартирах, то теперь они занимают помещения в «закрытых» оборонных предприятиях, деловых центрах с несколькими кордонами охраны и даже в иностранных представительствах. Обнальный бизнес оброс информационно-коммуникационными сервисами – нередки случаи, когда серверы и прочая инфраструктура располагаются даже не в других регионах, а в других государствах. Наконец, зарубежные «представительства» обнальщиков разбросаны по всему миру: офшорные и квазиофшорные обнальные фирмы открываются ныне от Латвии до Сингапура.

Спектр неформальных финансовых услуг также значительно расширился. Сегодня нет ничего проще, чем перевести «черный нал», полученный, к примеру, в виде отката, взятки, выручки от торговли оружием или наркотиками, на счета «правильных» зарубежных компаний. Бесперебойно функционирует и обратный процесс – часть денег, когда-то выведенных из России, всегда можно загнать на офшорный счет обнальщика, а в России получить наличные в любой валюте. Излишне уточнять, что вся используемая для обналажки инфраструктура находится в режиме перманентного апгрейда⁶³.

Мы привычно возмущаемся засильем офшорных схем в российской экономике. Так вот – «скипетром и державой» царствования офшоров была и есть обналажка. Но прежде, чем обналаженные деньги оседают в карманах налоговых уклонистов или складируются на офшорных счетах, за счет незаконных финансовых операций уменьшается налоговая база по НДС, налогу на прибыль и налогу на имущество, минимизируются НДФЛ и страховые взносы, легализуются взятки, откаты, «грев» (материальная поддержка преступников), завышаются цены на импортируемую продукцию.

Бизнес алкает прибыли, а правила игры устанавливает государство. Как писал в 1971 г. в статье в *New York Times* Милтон Фридман, «существует одна и только одна социальная ответственность бизнеса: использовать свои ресурсы и энергию в действиях, ведущих к увеличению прибыли, пока это осуществляется в пределах правил игры»⁶⁴. А раз «правила игры» произвольно, «от балды и кармана», устанавливаются теми, кто имеет законодательно вмененные полномочия их блюсти, почему бы этим не воспользоваться, да еще и к обоюдной выгоде? Тем более что в последнее время государство путем методичного отказа от заключенных прежде договоренностей с обществом уничтожает остатки доверия к самому себе (например, фактически конфисковывая пенсионные накопления десятков миллионов наиболее трудоспособных граждан).

Есть возможность зарабатывать больше, давая взятки, – бизнес будет давать взятки. Дадут бизнесу понять, что теперь нужно работать по-честному, – он моментально перестро-

⁶³ Апгрейд (от англ. *upgrade* – усовершенствование) – обновление, модернизация технических характеристик объекта. Ранее термин «апгрейд» применялся в основном в сфере компьютерных технологий, однако в современном преломлении при схожем смысловом значении используется в самых разных сферах общественной жизни.

⁶⁴ Цит. по: Кричевский Н.А., Гончаров С.Ф. Корпоративная социальная ответственность. – М., 2007. – С. 7.

ится. История, схожая с запретом на употребление в самолетах принесенного с собой алкоголя: запретили – и количество пьяных дебошей в небе тут же резко снизилось.

Ошибочно считать, что обналичка «живет» исключительно в малом бизнесе, а «средняк», тем более «крупняк», ею брезгует. Обналичка как форма уклонения от уплаты налогов, механизм неконтролируемого вывода капитала из страны или получения «черного нала», необходимого для самых разных нужд, распространена даже в крупнейших российских производственных, инфраструктурных и финансовых компаниях, находящихся в собственности государства. Да что там – в государственных и, особенно, региональных министерствах и ведомствах. Разница в том, что двери этих организаций для «простых» проверяющих закрыты наглухо, а статусным внешним аудиторам всегда можно доходчиво объяснить, что подобные схемы воплощаются во исполнение социальной ответственности государства.

Вернемся к «модернизации» обнальной машинерии. Если в первое десятилетие существования обналички неформальные обязанности по «силовому обеспечению» (крышеванию) незаконного бизнеса осуществляли представители ОПГ, то в начале нулевых права контроля и получения дохода от нелегальной финансовой деятельности перешли к представителям государственных правоохранительных органов и связанных с ними налоговиков, то есть к тем, кто должен с этим злом бороться. Еще бы: как минимум 350 млрд руб. ежегодного незаконного дохода – сумма немислимая.

Для принудительного перенаправления денежных потоков «бандиты в погонах» использовали исключительно законный арсенал средств: банкирам угрожали возбуждением уголовных дел – как правило, по таким статьям, как «Мошенничество» (ст. 159 УК РФ), «Незаконная банковская деятельность» (ст. 172 УК РФ) или «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления» (ст. 174.1 УК РФ). Предпринимателям и обнальщикам – «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации» (ст. 199 УК РФ), «Лжепредпринимательство» (ст. 173 УК РФ) или «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем» (ст. 174 УК РФ). Что касается представителей ОПГ, то к ним спектр правовых «претензий» всегда огромен.

Если банкиры и обнальщики «добровольно» и без существенных финансовых потрясений переходили под новую «крышу», то предприниматели, помимо осуществления незаконных финансовых операций через новую для них площадку (часто по более высоким тарифам), были вынуждены платить «разовый сбор» за отказ от возбуждения уголовного дела. Нужно ли говорить, что подобным подкрепленным наличностью «просьбам» всегда шли навстречу?

В дальнейшем освоившиеся российские правоохранители принялись разрабатывать и реализовывать различные схемы дополнительного коррупционного обогащения. Например, предпринимателям известны многочисленные случаи так называемых «хлопушек» – комбинаций, когда на обнальном рынке внезапно появлялся игрок со сверхнизкими тарифами. После резкого увеличения оборотов счета его компаний «внезапно» арестовывали с последующими проверками «засветившихся» и незаконным присвоением части «застрававших» сумм.

Независимая оценка скрытого резерва

Ответим на главный вопрос – почему, несмотря на очевидный антиобщественный характер, обналичка, видоизменяясь и мимикрируя, существует в России уже четверть века? Фундаментальный ответ один – всепоглощающая коррупция, покровительствующая финансовым преступникам, покрывающая их и использующая в своих целях. Именно коррупция и связанный с ней дефицит правоприменительной практики, а не недостатки правовой базы, являются альфой и омегой обнальной вакханалии.

Впрочем, есть еще одно объяснение засилья обналички. Несколько лет назад автор публично представлял собственное объяснение бездействию властей в противостоянии с обналичкой, упрямому высочайшему отказу ввести прогрессивную шкалу подоходного налога, многолетнему вето на ликвидацию регрессии в социальных взносах⁶⁵.

Все эти меры были у власти в резерве. На черный день.

На мгновение представим, что лицензии у «засветившихся» банков отзывали еще в середине нулевых, обнальщиков и уклонистов пересажали, а максимальная ставка подоходного налога повысилась процентов эдак до тридцати. Последствия были бы предсказуемыми: доходы федерального и региональных бюджетов возросли, а с ними (будем реалистами!) увеличились и неэффективные бюджетные расходы.

Но циклический характер развития экономики никто не отменял, и через некоторое время, например в 2014–2015 гг., власть столкнулась бы, с одной стороны, со снижением доходов, а с другой – с прежними аппетитами в расходах. Чем покрывать? Видимо, в ближайшей перспективе бюджетные дела в стране будут и впредь не ахти, раз уж государство, отзывав в ноябре 2013 г. лицензию у одного из столпов столичной обналички, ОАО «Мастер-банк», решилось начать наступление на один из самых старых и общественно признанных неформальных финансовых институтов страны.

Перейдем к оценке масштабов финансовых, прежде всего бюджетных потерь. Экспертные аналитические выкладки не сказать чтобы разнятся, но выглядят, как правило, чересчур приглаженными.

Судите сами. В феврале 2012 г. первый вице-премьер Виктор Зубков прокомментировал объемы обналички в 2011 г. так: «Комплексный анализ обстановки в финансовой сфере, рассмотрение ситуации по оттоку капитала за рубеж, схем отмывания преступных доходов внутри страны показали, что... почти 2 трлн руб. выведено из экономики. Это очень много – почти 4 % ВВП»⁶⁶.

В упомянутой выше в сноске статье *Forbes* от 19 марта 2012 г. приводилось мнение бывшего сотрудника обнальной конторы: «Через каждую «обнальную» площадку проходит несколько десятков миллиардов рублей в месяц. Сейчас в Москве таких площадок около 40»⁶⁷. Получается, что объем обналичивания по Москве составляет порядка 1,5 трлн руб. в год, а если учесть, что в Москве аккумулируется до 80 % общероссийских финансовых потоков, итоговая цифра схожа с оценкой бывшего первого вице-премьера Зубкова.

Первый вице-премьер Игорь Шувалов, ссылаясь на данные Банка России, неоднократно заявлял, что фирмы-однодневки умыкают из российского бюджета от 500 млрд до 1 трлн руб. ежегодно⁶⁸. Иными словами, бюджет недополучает от четверти до половины от

⁶⁵ Кричевский Н. Очищение Европы // Новая газета. – 2012. – 26 сентября (<http://www.novayagazeta.ru/economy/54633.html>).

⁶⁶ Источник: <http://www.vestifinance.ru/articles/7620/print>

⁶⁷ Источник: <http://www.forbes.ru/investitsii/banki/80169-mvd-podnyalo-tsenu-nalichnyh-deneg>

⁶⁸ Источник: <http://expert.ru/2013/02/22/trillion-v-pomojki/>

всех обналиченных средств. Памятуя о том, что в суммах, отправляемых на обналичку, присутствует налоговая база по НДС (18 %), налогу на прибыль (20 %), НДФЛ (13 %), а также обязательные страховые взносы (30 %), оценка Шувалова и Банка России выглядит разумной.

И все же, повторяюсь, приведенные данные представляются заниженными. Аргументация проста: как правило, анализ масштабов обналички в России проводится силами специалистов Банка России на основе предоставляемой банками отчетности. Однако в стандартные банковские формуляры не входят встречные финансовые потоки, когда, напомним, одна компания «продает» наличность – к примеру, в виде торговой выручки, – а другая ее «покупает». Обнальщики выступают всего лишь посредниками, в задачи которых входит свести обе стороны в одном месте и получить причитающийся процент.

Следующий вариант. Легальная фирма через обнальную контору переводит средства за рубеж для оплаты какой-либо импортной продукции и через ту же фирму проводит таможенные формальности, получая «очищенный», готовый к реализации товар. По документам все гладко – одна российская фирма купила товар у другой, – но надзорным органам не видно, что часть средств осталась на офшорном счете фирмы-посредника.

Наконец, вновь обращаю внимание читателя на способ обслуживания потребностей коррумпированной бюрократии, когда полученные в виде откатов или взяток наличные средства доставляются вместе с реквизитами в обнальную фирму, а та со своих зарубежных счетов переводит безнал. В этом случае деньги также не отражаются в банковской отчетности, да что там – даже «не пересекают границу».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.